

A movie poster featuring a woman with long, wavy brown hair, wearing a white button-down shirt and a dark shoulder bag, holding three books. She is standing in front of a man in a dark suit with his arms crossed. They are in a library with bookshelves and arched windows. The lighting is dramatic, with warm tones from the windows and cooler tones from the interior lights.

ЛЕНА ОБУХОВА

АКАДЕМИИ ЗА ЗАНАВЕСЬЮ

МАГИЧЕСКИЙ
СПЕЦКУРС
ВТОРОЙ СЕМЕСТР

Елена Александровна Обухова
Магический спецкурс.
Второй семестр
Серия «Академии за
Занавесью», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29575889
SelfPub;

Аннотация

Первый семестр спецкурса для детей магов, покинувших магический мир, закончился ужасно плохо: я узнала, что кто-то с самого моего рождения пытается меня убить, а уже на следующее утро проснулась призраком. Значит ли это, что неизвестный враг сумел добраться до меня и теперь все кончено? Если бы не поддержка преподавателя Темных ритуалов и заклятий, я бы точно опустила руки. Но когда он рядом, мне любое море по колено. Вот только будет ли он рядом со мной всегда? Заключительная часть диалогики "Магический спецкурс".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	42
Глава 5	64
Глава 6	78
Глава 7	88
Глава 8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лена Обухова

Магический спецкурс.

Второй семестр

Глава 1

Он сказал: это всего на год. Он сказал: ничего сложно-го. Он сказал: ты просто научишься паре полезных фокусов и узнаешь историю мира, который мы покинули. Пожалуй, еще никогда я не была так зла на родного отца, как в первый день каникул. А вы бы не злились, если бы накануне узнали, что вас, оказывается, с младенчества пытаются убить? А если бы уже на следующий день проснулись бесплотным духом?

Когда родители внезапно объявили мне, что они маги, покинувшие свой мир ради жизни среди людей, я сначала решила, что они спятили. Когда они отправили меня в Орту – университет магии – для прохождения годового спецкурса, я решила, что они ужасно безответственные. Ведь они не обеспечили минимально необходимые условия для учебы – не дали базовый фокусирующий артефакт, который бы направил мой магический поток и, собственно, сделал из меня мага.

Теперь я знала, что в их молчании на протяжении всей моей жизни и в нежелании как-то подготовить меня к обучению в Орте имелся тайный смысл. Они не хотели, чтобы я возвращалась за Занавесь – в мир магов, но были вынуждены меня туда отправить.

Хорошо, предположим, что пока мой отец был старшим легионером столицы – то есть руководил силами магического правопорядка в славном городе Алария – он успел кому-то крупно насолить. Настолько, что эти люди попытались его убить вместе со всей семьей – то есть со мной и мамой. Одно-го я не понимала: я-то тут причем? Почему именно на меня нацелились неизвестные враги? И почему родители ни словом мне об этом не обмолвились? Почему я обо всем узнала от постороннего по сути человека? Может быть, знай я все с самого начала, сейчас бы не металась по опустевшему общежитию, проходя сквозь стены.

В глубине души я понимала, что знание мне не помогло бы. Ведь я действительно узнала обо всем еще вчера, но почему-то сегодня все равно была... Что? Мертва? Развоплощена? Каждый раз, как я доходила до этого вопроса в своих сумбурных мыслях, мой мозг стопорился, не в силах осознать происходящее. Пока я понимала одно: мне срочно нужна помощь.

Я выбежала из общежития в заснеженный внутренний двор. Небо магического мира сегодня из зеленоватого превратилось в изумрудное, что обычно предвещало осадки. Зи-

ма здесь была гораздо мягче, чем в Москве, но снег все равно сыпался и укрывал землю тонким слоем. Холода я не ощутила, хотя температура определенно опустилась ниже нуля, раз снег не таял.

В учебном корпусе царила тишина. Орта и так никогда не наполнялась шумом и суетой, ее строили с расчетом на большее количество студентов, нежели посещало сейчас. Во время выходных она и вовсе вымирала, а тут еще и у нашего спецкурса начались каникулы. Однако мне повезло: через главный холл к порталам как раз направлялся профессор Нот. Не совсем тот человек, чьей помощи я бы хотела попросить, но начать можно и с него.

Я не успела и рта раскрыть, как преподавателя боевой магии окликнула профессор Карр – куратор нашего спецкурса.

– Вилл! Хорошо, что я тебя застала. Подожди секунду.

Профессор Нот остановился, обернулся и удивленно посмотрел на коллегу. Почему-то он не обратил на меня никакого внимания. Даже не кивнул, хотя обычно начинал флиртовать, едва я попадала в поле его зрения. Не заметил, что ли?

– В чем дело, Ирида? Я тороплюсь, меня ждут в городе.

– Я тебя не задержу надолго. – Она подошла к нему ближе, также игнорируя мое присутствие.

Я, конечно, не бог весть какая важная персона, но хоть кивнуть-то они мне могли? Если уж их не удивляло, что я все еще тут.

– Я внимательно слушаю, – тем временем заверил профессор Нот.

– Одна из моих студенток, по словам ее соседки по комнате, сегодня не ночевала у себя. И утром тоже не появилась, когда остальные отправлялись домой. Я хотела бы спросить, ты что-нибудь знаешь об этом?

Судя по выразительному взгляду, она намекала, что эта самая студентка сегодня ночевала в комнате профессора Нота. Кажется, он все-таки выбрал себе новую фаворитку со спецкурса. Интересно, кого? Я ставила на Жюли: французка была необычно хорошенькой на мой взгляд. Единственное, что удивляло, – это то, что профессор Карр не стеснялась задавать такие вопросы в моем присутствии. Хотя я не подходила близко, деликатно дожидаясь в сторонке, пока они решат свои дела и обратят на меня внимание. Тогда бы я их и огорошила своим странным состоянием.

– Твои намеки просто оскорбительны, – фыркнул Нот, но в его голосе слышалось скорее самодовольство, чем обида: ему явно льстило, что студентку искали в его спальне. – Я сегодня ночевал один. А кто хоть потерялся?

– Да эта, самая бедовая у меня, – вздохнула Карр. – Ларина. Вечно с ней одни неприятности...

От удивления у меня совершенно натурально отвалилась челюсть. Так они меня потеряли? Они меня не видят?

– Эм, профессор Карр! – позвала я, но ни один из преподавателей даже не шелохнулся.

Нот только рассмеялся и теперь сам выразительно посмотрел на моего куратора.

– *Эту* студентку, Ирида, я бы рекомендовал тебе искать в спальне Яна.

И он туда же! Я, конечно, знала, что после того, как профессор Норман едва не отправился на тот свет, спасая меня из лап низших, о нас ходили разные слухи. Только не думала, что преподаватели могут подобные слухи обсуждать на полном серьезе. Это заявление заставило на мгновение забыть о моей проблеме. Впрочем, ненадолго.

– Эй, профессор Нот, профессор Карр, я здесь, посмотрите на меня!

Я подошла к ним вплотную и едва не проорала эти слова им на ухо. Помахала руками перед их лицами. Ноль реакции. Карр только нахмурилась в ответ на предположение Нота.

– Думаешь, между ними действительно что-то есть? Это не похоже на Яна. Он же не ты, для него студентки всегда были табу. Я вообще какое-то время думала, что женщины его не интересуют.

Я так удивилась, что перестала орать и махать руками. Внезапно стало очень интересно, что еще они скажут про Яна Нормана. Вопрос, могу ли я интересоваться его как женщина, а не как непутевая студентка, уже какое-то время терзал и меня. И сейчас интриговал даже сильнее, чем бесплотное состояние. Что странно.

– А ты видела, как они танцевали на балу Развоплощен-

ных? – со смешком поинтересовался Нот. – Честно говоря, я тогда и похоронил свои надежды в отношении милейшей Тани. – Он театрально вздохнул.

– Да, видела, конечно, – Карр продолжала хмуриться, – но все равно сомнительно. Он действительно чрезмерно внимателен к этой девочке, все заметили. Но я не думаю, что он потащил бы ее в постель. Не до конца учебного года. Он очень щепетилен в подобных вопросах.

– О, Ирида, ты так наивна, что в твоём возрасте даже странно. – Нот снова нахально рассмеялся. – Эти девочки со спецкурса нашим дадут сто очков форы. Seriously, уж я-то знаю. Они куда более раскрепощены. Так что Ларина вполне могла проявить инициативу. А Ян всего лишь мужчина, мог не устоять. Щепетилен он был, когда дело касалось меня, а не его.

– Ах ты сволочь, – выдохнула я без всякого стеснения. Раз он все равно меня не слышит, я хоть выскажусь. – Прав был Ян, когда предупреждал меня на твой счет.

Нот, естественно, даже ухом не повел. Зато изобразил нетерпение.

– В общем, Ларину я последний раз видел на утреннем занятии, когда они сдавали зачет. Даже на обеде с ней не пересекался. Если это все, то меня ждут в Аларии, – напомнил он.

– Ладно, иди. Придется зайти к Яну, вдруг ты прав.

И они разошлись в разные стороны: Нот к порталам, а

Карр пошла наверх, к учебным аудиториям. Видимо, личные комнаты профессора Нормана были где-то там.

На меня же навалилось осознание происходящего. Я бесплотный дух, меня никто не видит и не слышит. И что теперь делать? И надо ли еще что-то делать или, как говорится, уже «позднмяк метаться»?

– Норман, – вслух решила я. – Мне нужен Норман.

Как минимум меня интересовало, что он скажет профессору Карр в ответ на ее вопросы.

* * *

Едва я подумала о Нормане, как оказалась у дверей его рабоче-го кабинета. У моего состояния только что обнаружился огромный бонус. Вот только почему я у кабинета? Не может же он быть в кабинете? Я зажмурилась и прошла сквозь дверь. Пока я не решалась делать это с открытыми глазами. Боялась.

Там было тихо, темно и пусто. Я решила проверить и личный кабинет, но результат оказался тем же.

Интересно, а где Норман живет? Когда его выписали из лазарета, я сразу решила, что не пойду навещать его в личные комнаты. Поэтому вопрос, где они находятся, меня тогда не взволновал. А зря, сейчас бы пригодилось.

Преподаватели совершенно точно не жили в корпусе общежития. Ректор жил там же, где работал: несколько меся-

цев назад я из его кабинета попала прямоком в гостиную, где он от всей души отрывался под мою же музыку. Может быть, у Нормана так же?

Я огляделась по сторонам и действительно нашла взглядом неприметную дверь в углу. Зажмурившись еще раз, прошла и сквозь нее.

И оказалось в небольшой, но довольно уютной гостиной. Окна были зашторены, источниками света служили горящий камин и небольшой светящийся шар, зависший над диваном. Откуда-то с потолка лилась едва слышная музыка, как обычно, инструментальная. Песен в этом мире почему-то почти нет.

Норман нашелся здесь же. Он лежал на диване, подложив под голову подушку, и увлеченно читал какую-то толстую книгу. Время от времени он запускал руку в небольшую миску, стоявшую на низком столике у дивана. Подойдя ближе, я разглядела, что в миске лежат какие-то орехи в карамели. Вместо уже надоевшей преподавательской формы на Нормане были надеты футболка с коротким рукавом и удобные штаны из мягкой, немнущейся ткани. Сам он выглядел настолько расслабленным и увлеченным содержанием книги, что я расплылась в улыбке. Еще ни разу мне не доводилось видеть его таким... домашним. Судя по небольшой щетине на щеках и подбородке, в честь выходного дня он решил этим утром пропустить бритье.

Я бы с удовольствием полюбовалась на него еще, но, пе-

реворачивая страницу, профессор оторвал взгляд от текста и скользнул им по мне. В следующую секунду он так дернулся, что едва не упал с дивана.

– Ларина?! Какого демона? Как вы сюда попали? И что вы здесь делаете?

Я вздрогнула от его крика, растерявшись и перепугавшись, как будто меня застали за чем-то неприличным, но потом обрадовалась.

– Вы меня видите? Серьезно? И слышите?

Его брови удивленно взметнулись вверх. Он сел, опустив босые ноги на ковер, и отложил книгу в сторону. Мне захотелось прочесть название и автора, но с моего места разглядеть было трудно, а подойти ближе я не решилась.

– Извольте объяснить ваши вопросы, – чуть спокойнее попросил Норман, все еще гневно глядя на меня. Показалось, что этим гневом он старается прикрыть смущение. Ему явно не понравилось, что я застала его в таком виде.

– Понимаете, я сегодня почему-то проснулась очень поздно, Хильды уже не было, – путано начала объяснять я. – Почему-то она не разбудила меня, когда сама собиралась домой. Мне это сразу показалось странным, а еще более странным – то, что я спала в одежде. Причем не помню, почему я спала в одежде и как я ложилась...

– Госпожа Ларина, вы не могли бы сразу перейти ближе к делу? – резко перебил он.

Я обиженно насупилась. Как будто так легко объяснить!

Я скрестила руки на груди и посмотрела на него исподлобья.

– Ближе к делу? Как скажете, профессор Норман. Кажется, я умерла.

На самом деле я так не думала. То есть, из всех сил старалась верить в то, что это не так, и моему состоянию есть другое объяснение. Но его резкий тон и обращение по фамилии задели. Не он ли еще вчера звал меня Таней, предупреждал об опасности, которая мне грозит, и обещал защитить? Подумаешь, помешала читать! Не от хорошей же жизни... Мог бы быть и повежливее.

Заметив, как резко побледнело лицо Нормана, я поняла, что слегка переборщила. В глазах появился такой ужас, что я испугалась за его здоровье. Еще сердце прихватит, и что я буду тогда делать?

– Что вы сказали? – переспросил он. Голос его прозвучал едва слышно.

– Пожалуйста, не пугайтесь так, – жалобно попросила я. – Я точно не знаю, это одна из версий. Просто понимаете... – Я не нашла подходящих слов, поэтому подошла к краешку дивана и помахала рукой, демонстрируя, как она проходит сквозь спинку. – Вот...

Все еще смертельно бледный, Норман медленно встал, неотрывно глядя туда, где только что была моя рука. Он подошел ближе и попытался коснуться моего плеча, но его пальцы прошли сквозь меня, из-за чего я непроизвольно вздрогнула. А мое внимание в это же время привлекла

небольшая татуировка на его бицепсе, чуть выше локтевого сгиба. Какой-то незнакомый символ. Захотелось спросить, что это такое, но Норман задал вопрос первым:

– Что произошло?

– Я не знаю. Ничего не помню. Последнее, что помню, – это как разговаривала с вами, а вы предупреждали о том, что меня хотят убить. А потом вдруг проснулась в своей комнате уже такая. Не помню даже, как мы с вами расстались. Когда я поняла, что я... бесплотна, я попыталась попросить о помощи. Но профессора Карр и Нот меня не увидели и не услышали, хотя я стояла прямо перед ними и кричала им в уши. И тогда я пошла к вам. И оказалось, что вы меня видите. Кстати, профессор Карр сейчас тоже идет к вам, – добавила я, выразительно закатив глаза.

Я думала, что это уже невозможно, но Норман удивился еще больше.

– Зачем?

– Затем, что я считаюсь пропавшей, и Нот посоветовал ей поискать меня в вашей спальне, – фыркнула я.

– Каждый судит по себе, – недовольно проворчал Норман.

– Вы знаете, у него хватило наглости заявить, что я могла вас соблазнить, а вы просто не устоять. Конечно, разве же можно устоять передо мной? – последние мои слова были чистым сарказмом, от которого я не удержалась из-за общей нервозности.

У Нормана они вызвали улыбку. Он окинул меня оцени-

вающим взглядом и тихо заметил, кажется, совершенно серьезно:

– Конечно же, нет.

Я с удовольствием зацепилась бы за эти слова и заставила бы его сказать больше, но в дверь постучали. Не в ту, через которую вошла я. Оказывается, тут была еще одна.

– Заходи, Ирида. – Норман пропустил в гостиную моего куратора, поглядывая то на нее, то на меня, как будто ждал, как она прореагирует на мое присутствие в его личных комнатах. Как и следовало ожидать, профессор Карр никак не прореагировала, снова в упор меня не видя. – Чем обязан?

– У меня студентка потерялась, – издалека начала Карр, как бы между делом скользя взглядом по гостиной. Интересно, что она искала? – Татьяна Ларина.

– И ты пришла поискать ее у меня?

Норман как будто забыл, что он в домашней одежде, небритый и босиком. Разговаривая с Карр, он стоял так же прямо, как обычно, сцепив руки за спиной, и взирал на коллегу с едва заметной улыбкой. Как всегда, спокойный и уверенный в себе, он не походил на человека, пойманного на месте преступления. Несмотря на всю сложность ситуации, я невольно залюбовалась им.

– Ты же не будешь отрицать того, что у вас сложились довольно... теплые отношения? – Карр выразительно посмотрела на Нормана. – А остальные варианты я уже проверила.

– Когда она пропала?

– Вчера во время вечеринки в гостиной спецкурса. Ее подруга сказала, что ближе к концу вечера потеряла ее из виду. Думала, она пошла в комнату, но когда сама добралась туда, оказалось, что Лариной там нет.

– Почему она сразу ничего не сказала?

– Ты что, не знаешь студентов? – Настала очередь профессора Карр смотреть на него со снисходительной улыбкой. – Она решила, что подруга просто задержалась где-то с мальчиком.

– Странная беспечность для госпожи Хильды, – немного резко заметил Норман. – С учетом того, что недавно на ее подругу напали, пытались изнасиловать и едва не убили.

– Думаешь, повторилось что-то подобное? – На лице Карр появился испуг. – Но ведь Корду Чест арестовали...

– О, пожалуйста, Ирида, – недовольно воскликнул Норман, перебивая ее. В мою сторону он даже не смотрел, словно я и для него вдруг стала невидимкой. – Мы оба знаем, что на Таню напал Кролл.

– Я не думаю, что он решился бы повторить это. – Карр поджала губы.

– Я тоже, – уже спокойнее выдохнул Норман. – Случилось что-то другое. Что-то, о чем я не узнал, – пробормотал он, вдруг снова садясь на диван.

Положив руку на стол, он закрыл глаза. Его губы зашевелились в беззвучных заклинаниях, а пальцы принялись вычерчивать по поверхности столика какие-то невидимые сим-

волы, один над другим.

– Что ты делаешь? – удивилась Карр, наблюдая за ним. – Это поисковое заклятие?

– Да, – через несколько секунд ответил Норман, снова открывая глаза и переставая чертить. – Перстень, который я ей подарил... Я всегда могу найти его, но... не сейчас. Ничего не понимаю. Она его потеряла? Нет, я бы все равно нашел сам перстень...

Я посмотрела на руку: перстень все еще был на моем пальце. По крайней мере, в таком же бесплотном варианте, как и я сама. О чем я не преминула сообщить Норману. Он едва заметно повернул голову на мой голос и кивнул, давая понять, что услышал. Кажется, ему не хотелось афишировать, что он меня видит и что я здесь.

– Ирида, я думаю, тебе стоит связаться с ее родителями. Во-первых, уточнить, вдруг она все-таки вернулась домой раньше, чем имела право. Во-вторых, если ее нет и там, ее родители имеют право знать о том, что она пропала.

– Согласна, – вздохнула Карр.

– Я пойду к ректору, объясню ему ситуацию. Надо с ним посоветоваться.

– Ты не обязан этим заниматься, она не твоя подопечная.

– Я знаю, – Норман кивнул, – но займусь.

– Как хочешь. – Профессор Карр тоже кивнула и вдруг положила руку ему на плечо и слегка сжала. Этот неожиданный жест поддержки удивил Нормана даже больше, чем ме-

ня. – Мы найдем ее, Ян. Не волнуйся.

– Конечно.

Когда за профессором Карр закрылась дверь, я снова подала голос:

– Мы идем к ректору?

– Да. – Норман встал и направился к третьей двери, которая, как я догадалась, вела в остальные его комнаты. – Только мне надо переодеться.

Он задержался на пороге и серьезно посмотрел на меня.

– Очень вас прошу: оставайтесь тут, не разгуливайте по моему жилью.

Пока он об этом не попросил, у меня и мысли такой не возникало, а теперь, конечно, нестерпимо захотелось. Однако я подавила некрасивое желание: я умела уважать чужие границы.

– Я буду ждать вас здесь, – пообещала я.

Глава 2

На переодевание у Нормана ушло секунд тридцать. Правда, в гостиную он вернулся, на ходу застегивая многочисленные пуговицы сюртука. Бриться заморачиваться не стал.

Когда мы добрались до кабинета ректора, тот уже ждал нас, от профессора Карр зная, что я пропала. То есть ждал он, конечно, не нас, а только Нормана.

– Как так получилось, что ты ничего не почувствовал? – спросил он вместо приветствия.

Норман бросил на меня быстрый взгляд, молча дошел до кресла посетителя и сел, взглядом предлагая мне занять второе кресло. Ректор, как ни странно, заметил это.

– Ян, что происходит?

– Она здесь, ректор Ред.

– Кто?

– Таня Ларина, – он кивнул на кресло, в которое села я. – Только она не во плоти.

Ректор внимательно посмотрел на меня – то есть, на кресло, потому что меня он не видел, – а потом перевел взгляд на Нормана.

– Я не стал говорить при Ириде, потому что понимаю, как это выглядит со стороны, – торопливо добавил тот. – Но это действительно так.

– А ты ее, значит, видишь, да? – уточнил ректор. Смотрел

он на Нормана, наверное, примерно так же, как я на родного отца, когда тот рассказывал мне о том, что мы маги. – Уверен, что не путаешь ее с собственными фантазиями?

Норман закатил глаза и покачал головой.

– Эйб, ты ставишь меня в очень неудобное положение, заявляя при моей студентке, что я могу фантазировать на ее счет, – проникновенно заметил он. – Конечно, я не путаю ее ни с какими фантазиями. Потому что я не представляю, с чего вдруг стал бы фантазировать о том, как она приходит и говорит: «Здравствуйте, профессор, кажется, я умерла».

В его голосе под конец фразы мне почудилось слишком много эмоций. Наверное, мне действительно не стоило делать таких резких заявлений.

– Я бы не стал такое придумывать хотя бы потому, что знаю: ни люди, ни маги после смерти не становятся призраками, это выдумки.

– Но Развоплощенные являются, – тихо заметил ректор.

Норман дернулся так, как будто его ударили. Наверное, вспомнил о Роне Риддик, развоплотившейся перед своей страшной смертью. Он ведь до сих пор ее любил, хоть жизнь давно их разлучила.

Мне вдруг стало очень грустно, как будто я только сейчас по-настоящему осознала, что мое состояние, вероятно, необратимо.

– Я не умею развоплощаться, – буркнула я, скрестив руки на груди и непроизвольно ссутулившись.

– Никто не умеет, – отмахнулся Норман. – Никто до сих пор не знает, как это происходит и почему. Но дело не в этом. Развоплощенные являются не так. Все, кто стал свидетелем подобного явления, описывали это иначе. И потом, обычно Развоплощенные являются родственникам, чтобы попрощаться и пообещать вернуться однажды.

– Родственникам или супругам, – поправил ректор, все еще недоверчиво косясь на Нормана. – Ты и сам знаешь, что Рона явилась Гордону.

Норман стиснул зубы. Да, и к Гордону он до сих пор ревнует, хоть прах того давно истлел.

– Да какая разница, я же все равно ему не жена! – от внешне вспыхнувшего раздражения я обратилась напрямую к ректору, хотя тот меня не слышал. Осознав это, я повернулась к Норману и повторила уже ему: – Я же вам не жена.

– Я в курсе, госпожа Ларина, – с непередаваемым сарказмом ответил тот. – Видимо, ректор Ред об этом забыл.

– Ты же понимаешь, что не обязательно имеется в виду официальный брак, – ничуть не смутился ректор. Он подался вперед, опираясь локтями на стол, и положил подбородок на сцепленные руки.

– Рогатый демон, Эйб, и ты туда же? – недовольно проворчал Норман, разглядывая собственные руки, как будто видел их впервые.

– Хорошо, я готов выслушать твой вариант, если мои ты уверенно отвергаешь. Что с ней случилось? Почему она яви-

лась не во плоти? Почему ее видишь только ты?

Норман какое-то время молчал, как будто прокручивал в голове возможные варианты, а потом выдал собственную версию:

– Она где-то в ловушке. Возможно, без сознания или беспомощна. Ей удалось интуитивно создать астральную проекцию и отправить ее сюда. Ее магический потенциал пока не до конца раскрыт, поэтому поток недостаточно силен. Проекция получилась слабой, я воспринимаю ее, потому что я темный. И даже когда я не использую темную магию, мой светлый поток фокусируется легче, поэтому я более восприимчив.

Ректор несколько секунд переваривал его слова, а потом медленно кивнул.

– Что ж, версия не хуже других. Правда, я сомневаюсь, что умение создавать астральную проекцию входит в программу спецкурса. Интуитивное создание проекции – редкое явление.

– А Таня – редкая девушка, – заметил Норман без тени смущения.

При других обстоятельствах, услышав такое из его уст, я бы обязательно покраснела как рак. Сейчас же не почувствовала даже учащения сердцебиения. Видимо, астральные проекции не испытывают подобных проблем.

– Да, я заметил, что ты так считаешь, – хмыкнул ректор.

– Предвидение – еще более редкий дар. – Норман едва за-

метно поморщился: очередной намек ректора ему не понравился. — У меня есть и другие причины считать, что в ней есть что-то особенное, но эти причины не романтического характера.

А вот разочарование астральные проекции испытывать умели, как выяснилось. Мои плечи, наверное, снова заметно поникли после этих слов. Я попыталась напомнить себе, что в мои планы на жизнь не входил роман с преподавателем магического университета, который по возрасту ближе к моим родителям, чем ко мне, но разочарование все равно никуда не делось.

— Раз ты сидишь тут, а не бежишь ее спасать, я так понимаю, ты не можешь ее найти, несмотря на перстень?

— Увы. Не понимаю, что не так.

— Все ты понимаешь, просто верить не хочешь, — мрачно пробормотал ректор. Очень мне не понравилось это его замечание. — А сама Таня что говорит?

Норман посмотрел на меня, словно надеялся, что я сообщу ему нечто новое, но я только покачала головой и пожала плечами.

— Она ничего не помнит. Даже того, что была на вечеринке.

— И что ты собираешься делать?

— Вообще-то я надеялся, что ты мне что-нибудь подсказешь, — заметил Норман, нахмурившись.

Ректор не успел ничего ответить: после формального сту-

ка дверь в его кабинет распахнулась, и в него влетел мой отец. Судя по скорости, с которой он появился в Орте, он уже искал меня на той стороне портала. На секунду я так обрадовалась, что вскочила с кресла и едва не бросилась ему на шею. Остановил меня его встревоженный вопрос:

– Где моя дочь? Вам уже что-нибудь удалось выяснить?

У меня тут же опустились руки: он тоже меня не видел. Как и остальные. Наверное, Норман прав и дело в том, что он темный маг.

– То, что нам удалось выяснить, вам не очень понравится, господин Ларин, – со вздохом ответил ректор. – Простите, я не знаю, как вас звали до ухода за Занавесь.

– Это не имеет значения, – отмахнулся папа. Еще бы, если верить Норману, его в магическом мире считают погибшим. Как и меня. – Лучше расскажите, что вам уже известно.

– Вы присаживайтесь, – ректор сделал приглашающий жест в сторону кресла, в котором еще недавно сидела я. Он, видимо, про это тоже вспомнил и с сомнением посмотрел на Нормана. – Или там все еще сидит Таня?

– Нет, она встала, – очень ровным тоном ответил тот, ни на кого не глядя.

– Что вы несете? – возмутился папа, переводя взгляд с Нормана на ректора и обратно. Садиться он, конечно, не стал.

Норман то ли из уважения, то ли ради собственного удобства тоже поднялся и повернулся к нему.

– Ваша дочь сейчас здесь, но не во плоти, а в виде, как мы предполагаем, астральной проекции. Возможно, ее похитили или с ней случилось какое-то другое несчастье. Я предполагаю, что с помощью этой проекции она пытается дать знак, где ее искать. К сожалению, сама она ничего не помнит...

– Что за чушь вы несете? – непочтительно перебил его папа. – Вы вообще кто?

– Ян Норман, преподаватель темных ритуалов и заклятий. Ваша дочь занимается у меня в рамках специализации.

– А, я вас знаю, – почему-то голос отца прозвучал зло. – Вы дали ей перстень, она упоминала.

– Да, все верно, – сдержанно согласился Норман, наверняка заметив недовольный тон.

– Вот у меня и появилась возможность поинтересоваться: вы считаете нормальными подобные одолжения студенткам?

Я поняла, что сейчас начнутся разборки. Странно, но первые несколько месяцев папа спокойно относился к перстню. Только после того, как подарил мне другой фокусирующий артефакт, стал активно настаивать на том, чтобы я его вернула, всячески давая понять, что и брать-то была не должна. Как будто у меня имелись альтернативы!

– Я считаю ненормальным отправлять дочь в университет магического мира, не вручив ей то, без чего она не сможет учиться, – холодно заметил Норман. И я была с ним согласна.

– А артефакта попроще у вас не нашлось, да? – не успокаивался папа.

Норман снова стиснул зубы, кажется, начиная злиться. Глупо было надеяться, что они подружатся.

– Что было, то и дал. Не понимаю, какие у вас могут быть претензии? Особенно сейчас, когда ваша дочь пропала и, возможно, находится в смертельной опасности!

– Вот, кстати, объясните мне, как так произошло? – папа снова повысил голос. – Что у вас тут за бардак?

– Господин Ларин... – попытался вмешаться ректор, но Норман его перебил, тоже начиная говорить громче и жестче:

– Нет, это вы объясните, почему вашу дочь неприятности так и преследуют?

Я тут же активно замахала руками.

– Ян, пожалуйста, не рассказывайте ему все, они же меня потом сюда больше не пустят!

Но он, кажется, не услышал. Они с отцом стояли лицом к лицу, сверлили друг друга гневными взглядами – кто кого переглядит – и бросались взаимными обвинениями. Двое самых важных мужчин в моей жизни кричали друг на друга, совершенно забыв обо мне.

Я не могла это слушать. Не могла и не хотела. А потому в следующее мгновение оказалась в корпусе общежития посреди тишины общей гостиной спецкурса.

В первую секунду я вновь испытала шок от такого стремительного перемещения. Потом напомнила себе, что для астральной проекции это нормально. Я собиралась придерживаться версии Нормана о том, почему я такая вся бесплотная, версия ректора мне категорически не нравилась.

За окном уже темнело. Пустая гостиная, в которой не горел ни один световой шар, выглядела непривычно, но неожиданно уютно. Я прошла между кресел и диванчиков, потом села в любимое кресло, стоявшее в углу. Его любили многие, поэтому посидеть в нем мне удавалось нечасто.

Я подумала, что это странно: ни одну дверь я открыть не могу, спокойно могу пройти сквозь любое из этих кресел, но когда сажусь, никуда не проваливаюсь. Но и кресла под собой как такового не чувствую. И оно не продавливается под моим весом, потому что у меня и веса-то никакого нет. Погладив ручку ладонью, я убедилась, что и шероховатой поверхности обивки тоже не ощущаю.

Не чувствовала я и прикосновения рук друг к другу, а вот перстень на пальце почему-то ощущала. Интересно, почему? Продолжая исследовать свое состояние, я принялась, пытаясь уловить знакомые запахи общежития, но ощутила только слабый запах хвои. Он не принадлежал общежитию, и я не понимала, откуда он взялся. Был еще какой-то незна-

комый запах, но я не могла его ни с чем проассоциировать.

Я оглянулась по сторонам, мысленно переносясь во вчерашний день. Точнее, пытаюсь перенестись. Я помнила разговор с Норманом, но только до определенного момента. До того, как спросила, почему он меня защищает, а он ответил, что для него это искупление. Искупление чего? Что он такого сделал, в чем винит себя и может перестать, если поможет мне? Относится ли это к чему-то, что он сделал уже как Ян Норман, или оно преследует его еще с тех пор, как был Нордом Сорроу? Надо все-таки как-нибудь спросить, как ему удалось так хорошо сохраниться за пять веков.

Мысли уплыли куда-то не туда, пришлось тряхнуть головой, чтобы снова повернуть мозги в нужную сторону.

Итак, Норман сказал, что помощь мне воспринимает как искупление. А что было дальше? Я закрыла глаза, воскрешая в памяти тот момент. Мы стояли друг напротив друга, очень близко. Он только что снова надел мне на палец перстень, а потом сжал руку в своих ладонях. Они были теплыми, кожа – немного грубой. От кожи бывшего короля ожидаешь большей мягкости. Вот только король был еще и воином, привыкшим держать в руках тяжелый меч. В сильных руках...

Пришлось тряхнуть головой еще раз. Я разозлилась на себя. Сколько можно уже? Я ведь всегда умела контролировать собственные мысли и эмоции, мысли о мужчинах... ну, или мальчиках никогда не затмевали собой все на свете. Почему сейчас, когда мне так надо сосредоточиться на спасении

своей жизни, я не могу перестать думать о Яне Нормане и его руках?

Что же все-таки было дальше?

— Искушение? — я продолжала смотреть в серые глаза, будучи не в силах отвести взгляд. — Что вы имеете в виду?

— Однажды ты сама все поймешь. — Он улыбнулся и выпустил мою руку. — Но сейчас не время и не место для этого разговора. Пока, пожалуйста, будь осторожна. И носи перстень.

— Почему вы не можете просто сказать мне правду? Всю правду, — не сдавалась я.

Он пожал плечами.

— Может быть, я просто стыжусь ее? Не обо всем можно говорить с собственной студенткой.

Я открыла глаза, чувствуя, что начала замерзать. Как будто уснула у открытого окна. Но зато хотя бы немного продвинулась в восстановлении воспоминаний. После этих его слов я смутилась, скомкано попрощалась до следующего семестра и ушла.

А что было потом? Очевидно, я вернулась в комнату, переоделась для вечеринки, потом какое-то время веселилась на ней.

Веселилась ли? Или сидела в углу, переваривая слова Нормана? Или делала вид, что веселюсь, а сама переварива-

ла?

Я снова закрыла глаза, пытаясь представить себя в этой гостиной и надеясь на новое озарение. Однако в этот раз что-то пошло не так, я провалилась куда-то не туда.

В богато украшенном зале передо мной стоял красивый светловолосый мужчина. Его лицо перекосило от ужаса, он испуганно пятился назад, а над нами гремел незнакомый женский голос:

— Пока я существую, ни ты, ни твой род никогда не будете править этим миром!

Я резко вдохнула, снова чувствуя себя заледеневшей, распахнула глаза и подскочила на ноги. Это еще что такое было? Точно не мои воспоминания. Это же не могут быть мои воспоминания?

Почему мне становится холодно каждый раз, как удастся что-то вспомнить? Ну, или не вспомнить, а *увидеть*. Ответа я не знала, но через какое-то время решила снова закрыть глаза и попробовать погрузиться в воспоминания.

Теперь в голове промелькнуло всего несколько «кадров».

Хильда рассмеялась, и я попыталась улыбнуться, чтобы как-то поддержать ее веселье, но все мысли крутились вокруг предупреждения Нормана, иногда сбиваясь на его последние слова. В гостиной было слишком жарко и невыно-

симо шумно. Я поднесла к губам стакан с каким-то сладким напитком. После событий бала Развоплощенных вина мне не хотелось, поэтому я выбрала какой-то местный лимонад. У лимонада были незнакомые запах и вкус, что-то фруктовое, наверное, местная экзотика...

Стоп! Я снова разомкнула веки, соединяя в голове сразу несколько точек. Мороженое, которое я ела в компании Нота, и лимонад, который пила на вечеринке, были сделаны из одного и того же фрукта. И именно этот запах я чувствовала несколько минут назад, когда принималась. Почему я чувствовала этот запах сейчас, ведь никакого лимонада поблизости нет?

Однако этот вопрос быстро забылся под натиском еще одного воспоминания: спасаясь от жары забитой до предела гостиной, я вышла на лестницу, села прямо на ступеньки. Вместе с этим лимонадом? Да, я держала в руках большой стакан, наполненный почти до краев.

И потом я увидела поднимающегося по лестнице Нота.

Я не помнила, что произошло дальше. Разговаривал ли он со мной или просто прошел мимо. Не помнила, куда он шел и зачем, если вообще успела узнать. Но это не имело значения.

Он сказал профессору Карр, что не видел меня после утреннего занятия. Почему он так ей сказал?

Я не знала причин, но это выглядело как зацепка, с которой я могла пойти к Норману. Оставалось надеяться, что они

с папой не подрались, пока я работала над воспоминаниями в гостиной спецкурса.

Через секунду меня перенесло обратно в кабинет ректора. Однако Нормана тут уже не было, остались только ректор и мой отец. И никто из них, конечно, меня по-прежнему не видел.

– Владимир, вы простите профессора Нормана. Он порой бывает чрезмерно эмоционален.

Папа сидел в кресле, в котором до этого сидела я, сильно хмурясь и стараясь унять дрожь в руках. Слова ректора вызвали у него недобрую ухмылку.

– Можно подумать, у него дочь пропала, а не у меня.

– Норман по-своему привязан к Тане. После того случая в подземельях...

Отец шумно вздохнул и разочарованно покачал головой.

– Не могу поверить, что она нам ничего не сказала. Если бы сказала, возможно, сейчас бы была дома, в безопасности.

– Вероятно, именно этого она и боялась, – пожал плечами ректор.

– Вы найдете ее?

– Норман ее найдет, – уверенно заявил ректор. – Так или иначе. Он упрям и не умеет сдаваться. Даже если только ее тело, все равно найдет.

Папа вздрогнул, с силой стиснул зубы и посмотрел на ректора.

– Думаете, ее уже нет?

– Все на это указывает. Норман не хочет верить, поэтому убедил себя в истории с астральной проекцией. Но вам, я думаю, стоит быть готовым к худшему.

– Как же так... – убитым голосом пробормотал папа. – Неужели все было впустую? Это несправедливо. Все не может так закончиться.

– Справедливости не существует, господин Ларин. Я боюсь, все уже закончилось.

Эти слова прозвучали как приговор. Все уже закончилось. Так зачем же я до сих пор тут? Мне хотелось заплакать, но я не могла: проекции, видимо, не плачут.

Глава 3

Я сама толком не поняла, как и почему снова оказалась в гостинной Нормана. После слов ректора у меня опустились руки. Стало очень жалко родителей. А себя – еще больше. В голове скакали мысли на тему: «Как же так? А как же все мои планы?» В глубине души я понимала, что люди умирают, несмотря ни на какие планы. В любом возрасте. И часто совершенно внезапно, когда кажется, что ничто не предвещало. И все же я никогда не думала, что смерть оставляет так много времени для сожалений.

Наверное, в том, что я снова оказалась здесь, был некоторый смысл. С самого начала моего обучения в Орте Норман стал тем человеком, который помогал мне в сложных ситуациях, принося с собой покой и уверенность в том, что все разрешится. С того самого дня, как студенты спецкурса впервые полезли к нам в коридоре, а Марек Кролл зажал меня у стены. Норман всегда появлялся в нужный момент, чтобы спасти меня. Поговорить со мной. Вселить надежду и уверенность в себе. Это могло быть что-то мелкое вроде комплимента на приветственном вечере. Или что-то очень значимое, вроде спасения моей жизни. Каждое мгновение отчаяния заканчивалось тем, что он помогал мне. Последние несколько месяцев мои мысли были наполнены им даже тогда, когда я верила навету Ротта. Вполне логично, что сей-

час я явилась искать утешение в его комнаты. И пусть самого Нормана тут не оказалось, вся гостиная была пропитана им. Оставалось только пожалеть, что я не чувствую ни прикосновений, ни запахов и не могу обнять его подушку и вообразить, что обнимаю его.

Я прошлась по комнате, села на диван, на котором он лежал, когда я появилась тут впервые. Наконец я могла разглядеть книгу, которую он читал. Меня тут же разобрал смех, несмотря на всю трагичность ситуации. Профессор Норман читал Гарри Поттера. Гарри, мать его, Поттера читал бывший властитель королевства Рейвен, первый канцлер Первой Республики, преподаватель темных ритуалов и заклятий в настоящем магическом университете.

– Я очень рад, что вам весело, госпожа Ларина, – раздалось у меня за спиной.

Голова как-то сама собой втянулась в плечи, я снова почувствовала себя пойманной на чем-то недостойном. Я не обернулась на голос только потому, что мне стало стыдно встречаться с Норманом взглядом.

– Я ищу вас по всей Орте. Что вы делаете в моей гостиной?

Он подошел к дивану и грозно навис надо мной, скрестив руки на груди. Странно, ректору удалось убедить меня в том, что я умерла, но почему-то мне все равно было неловко за это вторжение. Разве так бывает?

– Страдаю, – честно ответила я.

– Вот как? – в его голосе отчетливо слышалось удивление.

Он неожиданно сел рядом со мной. – По какому поводу?

– А вам кажется, что у меня нет повода? – возмутилась я, наконец посмотрев на него.

– Мне кажется, что у вас нет на это времени.

– Ректор считает, что все уже кончено, – тихо заметила я, разглядывая лицо Нормана. У него первый шок и растерянность уже прошли. Он снова выглядел собранным и уверенным в себе, спокойным. Если бы не легкая щетина, я бы сказала, что профессор выглядит как обычно. – Я появилась в его кабинете, искала вас. А он как раз говорил моему папе, что ему стоит готовиться к худшему. Что ваша теория с астральной проекцией – это просто от нежелания поверить в очевидное.

– Ректору Реду не мешало бы хоть иногда думать, что он говорит, – недовольно процедил Норман.

– Мне он показался убедительным. – Я перевела взгляд на огонь в камине. Слова ректора так и звучали у меня в голове, лишая всякой надежды.

– Таня, послушайте меня, – настойчиво потребовал Норман. – Забудьте, что сказал ректор. Никогда не смейте сдаваться только потому, что остальные вас уже похоронили. Боритесь за себя до конца. Если бы все было кончено, вас бы здесь не было. Но вы здесь, вы говорите со мной, я слышу вас. Это что-то значит. Это шанс. Пусть он мизерный. Пусть никто из нас толком не понимает, что произошло. Пытайтесь использовать все возможности, которые вам даются. Не

тратьте время на то, чтобы жалеть себя.

Его голос звучал жестко, как отповедь. Было обидно. И стыдно. Стыдно за то, что ему опять приходится объяснять мне такие элементарные вещи. Всего несколько слов – простых и понятных, до которых я могла бы додуматься и сама, – а мое настроение тут же изменилось. Может быть, перепады настроения в бесплотном состоянии – это нормально?

– Как вам это удастся?

– Что?

– Вдохновлять меня. – Я снова посмотрела на него. – Каждый раз, когда кажется, что все ужасно и нет сил с этим бороться, приходите вы и вставляете мне мозги на место. И заражаете оптимизмом. Заставляете устыдиться собственной слабости.

– Вам нечего стыдиться, Таня, – возразил он уже мягче. На его губах снова появилась едва заметная улыбка, которую я успела полюбить. – Вы ведь до сих пор жили в покое и комфорте, окруженная заботой и любовью родителей, с вами никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего. Никогда не случалось ничего плохого. Ведь так?

Он дождался моего кивка и продолжил:

– А потом вы попали в Орту, и все пошло наперекосяк. Жизнь начала подсовывать вам испытания – одно сложнее другого. Неудивительно, что вы порой впадаете в отчаяние. Это нормально. Это не стыдно. Главное, что каждый раз вы находите, чем вдохновиться... Ну, или кем вдохновиться.

Вы решаете проблему. Пусть с моей помощью, но вы справляетесь. Каждый раз становитесь чуточку сильнее. Так и закаляется характер.

– Думаете, однажды он станет таким же закаленным, как у вас? – Я улыбнулась ему, чувствуя себя уже намного лучше, увереннее.

– Я бы вам не пожелал этого, – Норман покачал головой. Его улыбка стала немного грустной. – Мой характер начали закалять слишком рано. Вы обязательно станете сильнее, но вы все же еще совсем юная девушка. Нежность и хрупкость вам к лицу. Не потеряйте их в процессе. Пусть по-настоящему сильным будет мужчина, которого вы выберете в спутники жизни.

Несмотря на то, что я была всего лишь бесплотным существом, у меня вдруг перехватило дыхание от его слов, а еще больше от тона, которым они были сказаны. Хотелось прямо здесь и сейчас, не сходя с места, заявить ему прямо в лицо, что я уже выбрала себе такого мужчину. Вот прямо сейчас и решила окончательно. Если бы только он смог увидеть во мне нечто большее, чем просто бедовую студентку. Но, конечно, я не стала этого говорить. Постаралась сохранить улыбку и изобразить легкий тон, когда предложила:

– Тогда в следующий раз, прежде чем толкать речь, которая закалит мой характер, потратьте хотя бы пятнадцать секунд на то, чтобы пожалеть нежную, хрупкую девочку.

– Я обязательно это сделаю. Приду, пожалею вас, подержу

за руку, – пообещал он. – Но потом. Когда вы будете в безопасности. И во плоти.

Я склонила голову набок, потакая внезапно проснувшейся игривости. Ведь пока я в этом подвешенном состоянии, можно позволить себе немного больше, чем обычно. Потом всегда смогу сделать вид, что ничего не помню.

– И на плече поплакать разрешите?

– Если очень хорошо попросите. И если будете умницей и поможете мне найти вас.

– Да, я же шла вам сказать! – Я едва не подпрыгнула на месте, вспомнив, что у меня есть зацепка. – Я кое-что вспомнила.

Он театрально закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Нет, ну вы посмотрите на нее! Страдать она тут собралась. Выкладывайте.

Я рассказала ему о том, как копалась в собственных воспоминаниях, сидя в гостиной, и что именно мне удалось вспомнить. Не стала упоминать только про ощущения и запахи, сочтя это не самой важной информацией. Станным посторонним видением с мужчиной и угрожающим женским голосом Норман не заинтересовался. Зато когда я сказала про Нота, он выразительно посмотрел на меня.

– Только не говорите, что после всех своих приключений вы снова куда-то пошли с этим... с Нотом.

– Между прочим, в прошлый раз Нот был ни при чем, – обиженно напомнила я. Норман только раздраженно фырк-

нул в ответ. – Но тем не менее, профессору Карр он сказал, что не видел меня после утреннего занятия. Не понимаю, почему он соврал.

– А мы сейчас пойдем и спросим у него, – с осязательной угрозой пообещал Норман, собираясь встать.

– Он отправился в Аларию, – поспешила сообщить я, поскольку физически удержать его не могла.

Словами тоже не получилось. Норман все равно встал.

– Возможно, он уже вернулся. Вы идете?

– Да. – Я тоже поднялась, но остановилась, не в силах противостоять искушению. – Профессор Норман... Ян!

Он обернулся, вопросительно глядя на меня, а меня рас-
пирала самая искренняя на свете улыбка.

– Вы читаете Гарри Поттера.

Это не было вопросом, просто констатацией факта. Он на мгновение перевел взгляд на книгу, потом снова на меня.

– Я знаю.

– Почему? Это же глупое детское фэнтези.

– Во-первых, не вижу в нем ничего глупого, – оскорбился Норман. – Во-вторых, люблю книги вашего мира, фантазирующие на тему магии. Они очень... забавные. Такая вот у меня слабость. Как и арахис в карамели, – он кивнул на мисочку, стоящую рядом с книгой.

– Ничто человеческое вам не чуждо, – пробормотала я, в который раз попадая под гипнотическое воздействие его взгляда.

– Вы даже представить себе не можете, насколько сейчас правы, – неожиданно серьезно согласился он.

Глава 4

Нот действительно успел вернуться. Судя по тому, что дверь он открыл в той же одежде, в которой я видела его ранее в холле, вернулся недавно. Не дожидаясь приглашения, Норман уверенно прошел в гостиную, а я незаметно просочилась за ним.

– Ян, какой сюрприз, – голос Нота прозвучал грубой пародией на вежливость и гостеприимство. – Проходи, располагайся. Могу тебе что-нибудь предложить?

– Лучше расскажи мне, чем закончилась твоя вчерашняя встреча с Лариной, – строго потребовал Норман, окидывая гостиную беглым взглядом и поворачиваясь к ее хозяину. Руки он, как обычно, сцепил за спиной.

– Я ее вчера видел только на занятиях, я уже говорил Ириде. – Нот расслабленно пожал плечами, засовывая руки в карманы брюк. Он спокойно подошел к своему гостю ближе и выглядел уверенно и немного нагло.

– Ложь, – лаконично констатировал Норман. – Ты был в корпусе общежития накануне вечером, во время вечеринки студентов спецкурса. Столкнулся с ней на лестнице.

По лицу Нота пробежала едва заметная тень.

– Откуда такая информация?

– Один из студентов спецкурса видел, как вы разговаривали, – глазом не моргнув, солгал Норман. Похоже, он не хотел

афишировать перед Нотом, что может общаться со мной. – И это последнее, что известно о ней. Я хочу знать, что было дальше.

– А тебе поручили ее поиски? – удивился Нот, а потом неприятно ухмыльнулся. – Или ты сам вызвался?

– Что было дальше? – спокойно переспросил Норман, игнорируя ужимки коллеги.

– А я не обязан тебе ничего рассказывать.

– Не заговоришь сам, я заставлю тебя заговорить.

– О, неужели! – Нот рассмеялся. – Интересно как?

Вместо ответа Норман стремительно выбросил руку вперед, посылая в Нота ударный импульс. Это было относительно безопасное боевое заклятие, мы его проходили. В моей личной классификации оно входило в группу «сражение на уровне мордобоя».

Нот выставил щит и отразил заклятие.

– Ты надо мной смеешься? – поддразнил он. – Я преподаю боевую магию, ты забыл?

Норман не удостоил его ответом. Он снова выбросил руку вперед. Один раз, другой, третий. Удар следовал за ударом. Так стремительно, что я не успевала их осознать. Огненный шар сменился ледяным потоком, а за ними снова последовал ударный импульс, который неожиданно пробил щит Нота и отбросил его к стене. Я успела только испуганно ойкнуть, а Норман уже применил захват: заклятие, тугими тисками сжимающее противника. В данном случае оно было нацеле-

но на горло Нота. Он сразу страшно захрипел.

– Я повторяю еще раз свой вопрос: что было дальше? – делая ударение чуть ли не на каждом слове, отрывисто произнес Норман.

– Пусти, сволочь, – прохрипел Нот. – Убьешь...

Норман, словно опомнившись, чуть ослабил хватку, но не отпустил его. Нот перестал хрипеть и задыхаться и теперь мог говорить.

– Я просто спросил, как у нее дела. Она была вся в расстроенных чувствах. Я ее немного развеселил. Мы посмеялись, пофлиртовали. Я спросил, почему она не на вечеринке, она объяснила, что устала от шума и жары. Я пригласил ее в свой кабинет, сказал, что у меня действительно есть кофе, как ей и обещали в той злополучной записке. Она рассмеелась, сказала, что больше на кофе не покупается, но я ее уболтал.

Норман опустил руку, освобождая Нота от захвата. Тот облегченно вдохнул полной грудью и потер горло, недовольно глядя на него.

– Интересно, как ты ее *уболтал*? – В голосе Нормана мне почудилось недоверие.

– Это не так сложно, как тебе кажется. Особенно с девочками со спецкурса. – Нот снова мерзко усмехнулся. – Ты думаешь, у меня какие-то секретные техники по оболыщению? Да ничего подобного! Молодые девушки сами ищут развлечений. И любой опытный мужчина, который достаточно хо-

рош собой, им годится. Почему я так легко их соблазняю? Да потому что они сами заранее готовы соблазниться. Вот и весь секрет, Ян. И расчудесная Таня твоя, о которой ты так печешься, точно такая же, как и остальные. Ей точно так же льстило мое внимание, как и остальным. Хотя не спорю, захоти ты взять ее первым, она дала бы тебе.

От такой наглости я потеряла дар речи, а Норман на этот раз даже не стал утруждать себя магией: просто ударил Нота кулаком. Одним быстрым, четким движением.

Нот вскрикнул от неожиданности. От удара из носа у него потекла кровь, но он не разозлился, а только рассмеялся.

– Это у тебя от длительного воздержания крышу сносит или ты все-таки имел на нее планы? Ну извини, друг, опоздал. Знал бы, позвал тебя к нам присоединиться. Хотя... Вряд ли ты стал бы делить со мной женщину, да? Ты же у нас считаешь себя лучше всех. Ходишь тут с лицом наследного принца. Думаешь, остальные – просто грязь у тебя под ногтями.

Норман молчал, но я слышала, что дыхание его стало более глубоким и частым: он злился. Злился и отчаянно старался это скрыть. А я настолько растерялась, что не знала, как поступить. Я не понимала, зачем Нот все это говорит, ведь ничего из его слов не могло быть правдой.

Нот же тем временем подошел к зеркалу, висящему в углу, осмотрел в нем нос, а потом провел по нему рукой, убирая кровь и останавливая кровотечение.

– Что было дальше? – упрямо поинтересовался Норман, как только смог совладать с голосом.

– Дальше? Как и обещал, угостил ее кофе. С коньяком. Она расслабилась и еще больше раскрепостилась. А дальше сам додумай. Я не настолько люблю хвастаться своими победами, чтобы рассказывать тебе все в деталях.

– Почему ты соврал Ириде?

– Потому что у меня не было желания обо всем этом распространяться. Мы же все пока делаем вид, что в нашем университете преподавателям запрещено спать со студентками.

– Как долго она пробыла у тебя?

Мне не нравились вопросы Нормана, а еще больше не нравился тон, которым он их задавал. Холодный, отстраненный. И на меня ни разу не взглянул. Я могла только беззвучно качать головой, отрицая все, что говорил Нот. Не была я с ним. Даже не помнила, чтобы пила с ним кофе, а все остальное и вовсе не могло быть правдой. Ни при каких обстоятельствах.

А вот Норман, похоже, ему верил.

– Да я не помню. Но до утра не оставалась. Ушла посреди ночи. Была в тот момент цела и невредима. И вполне довольна.

– Ты не проводил ее до общежития? – в тоне Нормана промелькнуло возмущение.

– Я предлагал ей остаться, но она почему-то очень хотела к себе в комнату. Я не настолько рыцарь, чтобы посреди ночи одеваться и тащиться на заснеженную улицу.

Норман брезгливо скривился, а Нот самодовольно усмехнулся. Ему явно нравилась реакция коллеги на этот рассказ. Он снова подошел ближе, рискуя нарваться на еще один удар.

– Сочувствую, Ян. Кажется, я разрушил светлый образ, к которому ты успел привязаться? Не расстраивайся. Она и до меня девочкой не была.

Норман посмотрел на него волком, а потом с тихой яростью в голосе пообещал:

– Имей в виду, Нот, если я узнаю – а если это было так, я узнаю, – что ночью ты прикоснулся к ней против ее воли или воспользовавшись состоянием после твоего коньяка, я тебя в порошок сотру.

– Валяй, Ян. Я тебя не боюсь. Все было исключительно по обоюдному согласию.

– Да он все врет! Не было ничего! – у меня наконец прорезался голос.

Однако Нот, естественно, не услышал, а Норман едва повернул голову в мою сторону, но так и не посмотрел на меня. Просто молча направился к двери, а потом с силой ее за собой захлопнул. Мне пришлось опять проходить насквозь.

* * *

Я чувствовала себя вывалянной в грязи. Внутри все клочкотало от злости, обиды и чувства беспомощности. Норман

шел так быстро, что мне удалось догнать его только у лестницы, на приличном расстоянии от комнат Нота. Я звала его и раньше, но он то ли не слышал меня, то ли игнорировал.

– Ян, да постойте же вы! – очередной раз потребовала я. – Послушайте меня хотя бы пять секунд. Нот все врет. Я не знаю, зачем ему это, но он врет!

Норман наконец остановился, но не обернулся. Я тоже замерла на месте, как вкопанная, почему-то боясь увидеть его лицо.

– Госпожа Ларина, меня не касаются ваши отношения с Вильямом Нотом, – отрезал Норман, так и стоя ко мне спиной.

Мне захотелось заколотить по его спине кулаками. Зачем снова этот официоз? Зачем холод в тоне? Я понимала, что он злится. После всех его предупреждений и убеждений я, как он считал, все же упала в объятия местного ловеласа. Уж не знаю, почему его это так бесило. Может быть, потому, что, по словам профессора Карр, он был очень щепетилен в этих вопросах. Или его воспитание требовало от девушки более осмотрительного поведения. Не стоит забывать, что он родился и вырос больше пятисот лет назад. Магический мир и так заметно отставал от обычного в плане свободы нравов, а как дела обстояли пять веков назад, я вообще слабо себе представляла. Я не собиралась извиняться перед ним за то, что было в моей жизни раньше, но брать на себя лишние «грехи» тоже не хотела.

– Послушайте меня, – настойчиво попросила я, чувствуя, что голос дрожит от непролитых слез. Наверное, будь я во плоти, уже рыдала бы от несправедливости происходящего. – Посмотрите на меня. Я не спала с Нотом. Поверьте мне.

Он резко повернулся, и я, наконец, увидела его лицо. И внезапно поняла, что он не злится. Я все еще не могла определить, какое именно чувство заставляло его убегать от меня, как от рогатого демона, но определенно не злость. Обида? Разочарование?

– Мне плевать, спали вы с ним или нет, – Норман попытался сказать это спокойно, но не справился с голосом. – Как вы верно заметили однажды, я вам не отец, чтобы следить за вашей нравственностью. Я вам не муж и даже не любовник, чтобы требовать верности. Я вам никто. Вы не обязаны отчитываться передо мной. Не обязаны оправдываться. С кем вы проводите свободное время и что делаете в его обществе, меня никоим образом не касается.

И тут меня осенило. Я поняла, какое чувство сейчас плескалось в его глазах. Не обида и не разочарование, а ревность. Обыкновенная мужская ревность, которой он то ли стеснялся, то ли боялся, не давала ему снова прийти в спокойное, невозмутимое состояние.

Это открытие вызвало противоречивые чувства. То, что он ревнует, означало, что какие-то романтические чувства ко мне у него все-таки есть, хоть он их и отрицает. И это вселило надежду, пусть я пока и не очень понимала, на что, соб-

ственно, хочу надеяться. В то же время ревность всегда считалась плохим советчиком. А мне сейчас было нужно, чтобы Норман сохранял трезвый ум.

– Вижу я, как вам наплевать, – я постаралась сказать это спокойно. – Если вы такой, когда вам наплевать, страшно представить, что происходит, если вам не наплевать.

Я неуверенно улыбнулась ему, надеясь, что его хладнокровная натура возобладает. И оказалась права: он глубоко вдохнул, медленно выдохнул, смущенно потер лоб рукой, словно прогоняя из головы лишние мысли. Через пару секунд передо мной снова стоял невозмутимый профессор Норман, готовый к конструктивному общению.

– Простите мою вспышку, – виновато попросил он. – Я не имел на нее права. А вы действительно не обязаны мне ничего объяснять. И оправдываться тоже.

– Я знаю, – заверила я его с нажимом. – Ян, послушайте, будь все это правдой, я бы вам так и сказала. Честно. Но между нами ничего не было. Он врет, и надо понять, почему и зачем он это делает.

– Зачем как раз понятно. – Норман вздохнул и поморщился. – Он хотел вывести меня из себя, что ему прекрасно удалось. Вопрос только в том, хотел ли он меня разозлить из-за нашей давней взаимной неприязни или чтобы помешать моим поискам.

– Интересно, как он собирается потом оправдываться?
Норман посмотрел так, что мне стало не по себе.

– Думаете, он уверен, что ему не придется? Что я уже никогда его слова не опровергну?

– Вероятно, – Норман мрачно кивнул. Немного помолчав, он поинтересовался: – Почему вы так уверены, что он врет? Вы вспомнили что-то еще?

– Немного. Я помню, что мы действительно какое-то время сидели вместе на ступеньках, разговаривали. Ему и правда удалось развеселить меня...

– Конечно, он же такой забавный, – раздраженно процедил Норман. В его тоне снова прорывались ревнивые нотки.

Я улыбнулась и покачала головой. Наверное, именно эта ревность, которую он все пытался, но никак не мог скрыть, побудила меня сказать:

– Знаете, Ян, я бы тоже предпочла, чтобы вчера на той лестнице сидели вы. Чтобы вы разговаривали со мной. У вас бы куда лучше получилось меня успокоить и развеселить. Я уже не говорю про то, что ваше приглашение на кофе я бы точно не отвергла. Даже если бы вы пригласили меня на прокисшее молоко, я бы все равно пошла с вами. Но у вас же *принципы*. Вы спокойно дарите девушке для защиты артефакт, который стоит целое состояние, готовы ради нее сражаться с монстрами, даже умереть, но потом... – Я слишком разволновалась, и голос в конце концов меня подвел. – Потом вы просто делаете вид, что ничего не произошло. И избегаете лишних встреч. Вывалив на мою голову правду о том, кто я, вы клянетесь защитить, объясняете это каким-то

непонятным искуплением – и все! И теперь вы злитесь на меня за то, что я разговаривала с Нотом и смеялась над его шутками? А какой у меня был выбор? От вас-то *приглашения на кофе* не дождешься.

Я наконец заставила себя заткнуться, понимая, что несколько перегнула палку. На лице Нормана раздражение уже давно сменилось удивлением. И даже после того, как я замолчала, он не сразу нашел, что сказать.

– Знаете, кофе противопоказан магам, – заметил он после продолжительного молчания. – Дестабилизирует магический поток.

– Господи, Ян, да при чем здесь вообще кофе?

Кажется, это замечание окончательно сбило его с толку. Он тряхнул головой, на мгновение прикрыв глаза, а потом решил, что пора бы уже вернуться к более важным вопросам, а этот оставить на потом.

– Ладно, с кофе потом разберемся. Что было дальше? Вы разговаривали с Нотом, но чем на самом деле закончился ваш разговор?

– Не знаю, – вынуждена была признаться я. – Дальше ничего не помню, но точно знаю, что я никуда с ним не ходила и между нами ничего не было.

Он смотрел на меня со смесью надежды и сомнения. Сомнение, к сожалению, побеждало.

– Как вы можете это знать, если вы не помните?

Я открыла рот, но тут же закрыла его. Как объяснить ему,

что причина моей уверенности в нем самом? Я могла придерживаться сколько угодно свободных взглядов на отношения полов, стараясь соответствовать современным стандартам общества, в котором выросла, но спать с одним мужчиной, мечтая о другом, точно не стала бы.

Однако признаться в любви одному преподавателю, доказывая этим, что не спала с другим, я не могла. После такого признания я уже никогда не смогу смотреть ему в глаза, лучше уж мне тогда действительно оказаться мертвой. А намек в моей страстной тираде он, судя по всему, не уловил.

– Я это просто знаю, – как можно увереннее заявила я. – И если у вас есть ко мне хотя бы капля уважения, вы должны мне поверить.

На лице Нормана отразилась внутренняя борьба, но в конце концов он кивнул.

– Простите меня, Таня. Я действительно проявил к вам неуважение, безоговорочно поверив Ноту. Постарайтесь вспомнить что-нибудь еще. Может быть, вы вспомните, когда и куда пошли потом? Возможно, что-то случилось с вами, когда Нот ушел и вы остались в одиночестве.

Я снова прикрыла глаза, стараясь уловить за хвост ту пару вспышек, которые промелькнули у меня в голове во время разговора Нормана и Нота.

Мы сидим на лестнице, Нот что-то рассказывает, активно жестикулируя. Задевает стакан, который я держу,

и лимонад выплескивается мне на джинсы.

– Простите, я увлекся, – смеется Нот.

– Ничего страшного, нас уже научили решать такие проблемы.

Я ставлю стакан на ступеньку между нами и направляю магический поток на очищение и высушивание одежды. Нот снова протягивает мне лимонад, и я машинально делаю несколько больших глотков.

Нот начинает рассказывать другую историю, я наслаждаюсь его легким, веселым тоном, но слова пропускаю мимо ушей. Мои мысли сейчас совсем в другом кабинете и с другим преподавателем. А голос Нота звучит все дальше и дальше...

– Таня! Таня, очнитесь!

Окрик Нормана вытащил меня из воспоминания. Я вновь ощутила ужасный холод и, кажется, даже задрожала, а потом открыла глаза. И обнаружила, что лежу на полу. Норман застыл надо мной в странной позе, как будто хотел меня поднять, но вспомнил, что не может ко мне прикоснуться. На его лице читался неподдельный ужас.

– Что случилось? – спросила я, садясь и стуча зубами от холода.

– Вы... упали, а потом... начали становиться прозрачной. Почти исчезли. Только когда пришли в себя, снова стали выглядеть по-прежнему. Что с вами было?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Каждый раз, когда пытаюсь вспомнить, со мной происходит это. Становится холодно, и я как будто проваливаюсь в сон. В остальное время я ничего не ощущаю: ни текстур, ни запахов.

– А в такие моменты?

– Чувствую холод. И запахи.

– Почему вы раньше мне этого не сказали? Какие запахи вы чувствуете?

– Свежести. Хвои. И какого-то фрукта, я его не знаю.

– Откуда вы знаете тогда, что это фрукт?

– Да я не уверена... – Я нахмурилась. Его тон меня пугал. – Просто еще когда ела мороженое, подумала, что это какой-то фрукт.

– Мороженое? Какое еще мороженое?

– Ну... – Я замялась. – Помните, когда нас отправили в торговый центр для покупки платьев к балу Развоплощенных? Нот пригласил меня в кафе и угостил мороженым.

По лицу Нормана снова пробежала тень. Я боялась, что он сейчас опять выйдет из себя, но профессор быстро справился с собственным недовольством.

– Помню.

– Так вот, там было такое мороженое, синенькое, – продолжила объяснять я. – Очень вкусное, но совершенно мне незнакомое. Я тогда подумала, что это какой-то местный фрукт. На вечеринке, кстати, я пила лимонад с таким же вкусом. И он тоже был синий. Я пролила его на себя, разговари-

вая с Нотом. Пока убирала пятно, стакан стоял на ступеньке между нами. Нот подал его мне, а потом... Ян, мне кажется, что никакого «потом» для меня уже не было.

Он разглядывал мое лицо, сосредоточенно хмурясь и как будто связывая в голове разрозненные факты. Когда он задал следующий вопрос, голос его звучал непривычно взволнованно:

– Таня, пожалуйста, постарайтесь вспомнить точно: вы полностью убрали пятно? Не может быть такого, что запах, который вы чувствуете, от него?

– Ян, на кой черт мне синее пятно на светлых джинсах? – Я выразительно посмотрела на нежно-голубую ткань. – Учítывая, что за выведение пятен на бытовой магии я получила высший балл! Конечно, я свела пятно полностью!

– Хорошо, тогда еще один вопрос: темно-синий или светло-синий?

– Что?

– Мороженое и лимонад были темно-синего или светло-синего цвета?

– Скорее темно-синего. Это важно?

Он несколько секунд молчал, как будто боялся поверить самому себе, а потом улыбнулся и кивнул.

– Очень. Потому что теперь я знаю, где вас искать.

– На самом деле это не фрукт, а ягоды, – на ходу объяснял Норман, периодически переходя с быстрого шага на бег.

Я семенила рядом, отчаянно жалея, что у меня не было времени научиться летать. Наверняка же можно летать, если ты бесплотна?

– Ягоды эти непростые, – продолжал Норман, уже выбегая на улицу через дверь, которой раньше я никогда не пользовалась. Что было неудивительно: мы оказались за стенами Орты. То есть там, куда студенты спецкурса выходить не имели права. – Они не принадлежат этому миру. Маги вывели их лет двести назад, наверное. Поэтому я ни разу про них не подумал: я знаю не так много. Сами понимаете почему.

Я кивнула. Конечно, если что-то не было частью твоего мира, пока ты рос и обучался, держать это в голове сложно. Меня озадачивало другое: куда мы бежим и почему.

– Как эти ягоды связаны с тем, где я?

– Это зимняя ягода. Специальная магическая зимняя ягода. Скажем так, сейчас для нее самый сезон, – пояснил Норман, направляясь в лес.

Здесь снега было больше, чем во внутреннем дворе Орты. Ни одеваться, ни переобуваться Норман не стал, и ему, в отличие от меня, наверняка было холодно и мокро, потому что легкие ботинки, в которых он ходил по Орте, никак не

годились для прогулок по снегу.

– И я чувствую ее запах, потому что нахожусь где-то рядом с ней? – наконец догадалась я.

– Думаю, вы в центре больших зарослей этих ягод, – уточнил Норман, уверенно шагая между деревьями. – Потому что именно в большом количестве они создают магический фон, который может блокировать заклинание, наложенное на перстень.

– Магический фон? – в моей памяти что-то шевельнулось, но очень смутно.

– Да, я же уже сказал: ягода была выведена специально. С использованием магии. Именно для того, чтобы расти и плодоносить зимой, когда нет других свежих ягод. Без магии она бы не смогла расти в таких условиях. Подобных растений не так много в нашем мире, но там, где они растут, заколдованные вещи часто дают сбой.

И тогда я вспомнила, что мы проходили это. Правда, как раз тогда Ротт убедил меня, что Норман монархист, который хочет меня убить. Я так и не смогла толком вникнуть в понятие «магического шума», поскольку слишком много думала о другом. Что ж, теперь узнала на практике. Но главным было другое: профессор знает, где я, он меня найдет и спасет. Снова.

– И вы знаете, где здесь есть подобные заросли?

– Да, я хорошо знаю территорию вокруг Орты. Есть несколько таких мест, но я знаю только одно, где растут еще

и ели.

Больше я не успела задать ни одного вопроса, поскольку мы внезапно пришли. Об этом я догадалась по тому, как настороженно притормозил Норман.

Перед нами раскинулось целое зеленое море: высокие и низкие ели перемежались со скинувшими листву деревьями, по стволам которых, равно как и по земле вокруг, ползли стебли выюнка, усыпанные крупными ягодами, похожими на мелкую синюю клубнику. Норман шарил взглядом по зарослям, постепенно продвигаясь вглубь, а потом что-то заметил и стремительно бросился к своей находке.

Я поспешила за ним, но в нескольких шагах от того места, где он упал на колени, застыла в немом ужасе.

Было странно смотреть на себя со стороны. Странно и страшно. Мое тело лежало на земле, в той же одежде, в которой я вчера была на вечеринке и в которой сегодня проснулась уже в виде проекции: в джинсах и тонком вязаном свитере. Руки, ноги, торс опутывал выюнок, как будто я пролежала здесь полгода, а не меньше суток. С лица выходящие стебли Норман уже успел сорвать и теперь продолжал освобождать меня от них, не обращая внимания на рассыпающиеся в разные стороны ягоды. Стебли под его пальцами не просто рвались, а как будто сгорали. Я смотрела на свое почти синее лицо, на спутавшиеся кудрявые волосы, в которых застряли мелкие веточки и еловые иголки, и испытывала первобытный, суеверный ужас. А что если я не смогу вер-

нуться в тело? Что если оно уже... мертво?

В этот момент Норман полностью освободил меня от зеленых пут, быстро провел над моим телом рукой, а потом положил ладонь мне на грудь. Не знаю, что он сделал, но я вдруг почувствовала такой мощный удар, как будто меня лягнула лошадь. Боль оказалась настолько сильной, что сознание предпочло провалиться в темную дыру беспамятства.

Но ненадолго.

В одну секунду мне стало очень холодно и очень плохо. Я по-прежнему почти не чувствовала тело, но осознавала, что лежу на холодной земле. Кто-то приподнял меня, держа за плечи, я ощутила прикосновение горячей ладони к щеке. И услышала над собой голос, который звучал едва громче шепота:

– Давай же, Таня, возвращайся ко мне... Пожалуйста.

Я хотела открыть глаза, сказать, что уже все в порядке, просто мне холодно, но не смогла пошевелиться. Однако волну тепла, накрывшую меня с головой, почувствовала. И как меня взяли на руки и подняли с земли – тоже. А после все опять исчезло.

Я не знала, сколько времени прошло на самом деле. Для меня – всего одно мгновение. Но глаза я открыла, уже находясь в лазарете Орты. Рядом с кроватью сидел не только папа, но и заплаканная мама.

Тело все еще казалось чужим и не желало слушаться. Даже веки все время стремились сомкнуться, язык не ворочал-

ся, о том, чтобы встать, и речи не шло. Однако мне удалось выдавить улыбку и чуть сжать мамину руку, которая держала мою.

– Господи, Танечка... – пробормотала она. – Володя, она пришла в себя!

– Я вижу, вижу... – Папа облегченно выдохнул. – С возвращением, Котенок. Ну и напугала же ты нас.

Папа не называл меня Котенком лет с тринадцати, кажется. Тогда у меня начался переходный возраст, и я потребовала относиться ко мне как к взрослой. Сейчас от этого детского прозвища потеплело на душе. Как хорошо быть живой! Как хорошо видеть перед собой близких людей...

Я пошарила взглядом по сторонам, откашлялась и все-таки смогла задать один очень волновавший меня вопрос. Я бы даже сказала, самый главный на тот момент:

– А где Ян?

Родители переглянулись, на их лицах было написано недоумение. Папа пожал плечами, а мама, снова повернувшись ко мне, уточнила:

– Детка, какой Ян?

Мне бы смутиться, но я почему-то испытала раздражение. Даже на то, чтобы просто дышать и держать глаза открытыми, у меня уходила куча сил. Они вот-вот грозили кончиться, а они не понимают таких простых вещей! Как минимум папа знает, что Нормана зовут Яном.

– Профессор... Норман.

Эти два простых слова отняли львиную долю сил, но я продолжала хвататься за ускользающее сознание. Мне отчаянно хотелось увидеть его. Он же обещал прийти и подержать меня за руку. Он должен был сдержать свое обещание.

Папа недовольно нахмурился, а мама мягко ответила:

– Мы его не видели. Нас вызвала профессор Карр, твой куратор. А когда мы пришли сюда, здесь были только доктор, медсестра и ректор Ред.

Медсестру она помянула совершенно некстати. Та тут же появилась в поле моего зрения с каким-то крохотным стаканчиком.

– Ларина, давайте-ка выпьем это, – с поддельным энтузиазмом заявила она, поднося к моим губам стаканчик.

Оттуда мне в рот вылилось что-то до того мерзкое, что я побоялась приступа тошноты и поспешила проглотить. Зато сразу ощутила прилив сил и перестала проваливаться в забытие. Медсестра с чувством выполненного долга удалилась.

– Зачем тебе профессор Норман? – поинтересовался папа. Что-то в его тоне мне не понравилось. Все-таки жаль, что они не подружились.

– Он спас меня, – пояснила я. – Хотела сказать «спасибо».

– Мы передадим ему, если увидим, – пообещала мама, бросив на папу странный взгляд.

Я вздохнула и закрыла глаза. Объяснять, что хотела бы сказать это лично, не стала. Скажу, как только появится такая возможность.

– Тая, что произошло? – спросил папа. – Как ты оказалась в том лесу?

– Профессор Нот. Он меня... там оставил.

– *Профессор Нот?* – недоверчиво переспросил папа. – Зачем ему это было нужно?

– У него спроси...

– Легион разберется, – услышала я до боли знакомый голос.

– О, нет, опять вы, – застонала я, не желая открывать глаза. Геллерта Ротта я и так себе хорошо представляла.

– Увы, госпожа Ларина, мне нужны ваши показания, – кажется, он улыбался. Не представляю, чему именно.

Интересно, почему он все время сам сюда таскается? Других легионеров нет, что ли?

– Вот вам мои показания: убить меня пытался Нот, Норман меня спас. Так и запишите, только смотрите, не перепутайте! Подробности – когда выплыву.

Я повернулась на бок, натянула одеяло на голову и действительно моментально провалилась в сон.

Глава 5

Проснулась я глубокой ночью, чувствуя себя намного лучше. Лишь голову наполнял туман, мешавший думать, да сердце колотилось так, словно я бежала от кого-то. Возможно, мне приснился кошмар или какой-то шорох напугал сквозь сон.

Я села на кровати и огляделась. Ни родителей, ни медсестры рядом не было. Вообще никого. Я снова лежала одна посреди общей палаты лазарета. В огромном помещении висела могильная тишина.

Интересно, какому умнику пришло в голову оставить меня одну? После покушения на мою жизнь. Второго покушения. Я ведь даже не знала, внял ли господин старший легионер столицы моим словам насчет Нота. И в любом случае не чувствовала себя здесь в безопасности. Хоть бы в бокс положили, как Нормана.

Мысль о нем вызвала болезненный спазм в груди. Интересно, он хоть заходил меня навестить?

Я посмотрела на левую руку: перстень все еще красовался на безымянном пальце. Я погладила внушительный камень, отчаянно желая, чтобы Норман прямо сейчас оказался здесь. Мне не просто хотелось с ним повидаться. Мне было жизненно необходимо его увидеть. Это чувство пугало: за всю жизнь я еще ни в ком так отчаянно не нуждалась. Кроме ро-

дителей, конечно. Даже Ингу – самую близкую подругу – я хоть и любила, но вполне нормально переносила разлуку с ней. В совсем уж плохие моменты жизни мне не хотелось видеть даже ее.

А вот Нормана хотелось. Я понимала, что сейчас выгляжу из рук вон плохо: наверняка бледная, с волосами, похожими на мочалку, в убогой больничной ночнушке, – но все равно умирала от желания видеть его. Хотя бы пару минут – как сделать глоток свежего воздуха. Интересно, что будет, если я сбегу отсюда и заявлюсь к нему посреди ночи в таком виде? Едва ли кто-то оценит мой порыв...

Однако и лежать я больше не могла, тем более что спать совершенно не хотелось. Я отбросила в сторону одеяло, спустила ноги с койки, нащупала в темноте босыми ступнями тапочки и неуверенно сделала несколько шагов вперед, зябко поежившись. Пожалуй, в одной ночной сорочке даже по лазарету особо не погуляешь.

Я все-таки прошла между двумя рядами пустых коек и подошла к окну. Там, на улице, ярко светила луна и падал снег. Намело уже прилично. Вдруг подумалось: «Как хорошо, что меня успели найти, а то засыпало бы совсем».

Теперь я лучше помнила все произошедшее и точно знала, что Нот не случайно задел стакан и пролил на меня лимонад. Когда я отвлеклась на устранение последствий, он, скорее всего, что-то подсыпал или подлил мне в напиток. Потому что буквально через пару минут мои воспоминания мерк-

ли. Очень резко. Видимо, я отключилась, а он отнес меня в лес. Уж не знаю, как он никому не попался на глаза: повезло или магия помогла. Сути это не меняло: отнес туда, где Норман не мог меня найти, а холод должен был убить. Видимо, для магии легионеров это тоже выглядело бы как несчастный случай. Глупая студентка перебрала на вечеринке и отправилась бродить в лес. Ягоды собирать. В итоге заблудилась или просто уснула и замерзла.

А ведь я с первых дней в Орте повелась на его шарм. Считала, что он безобидный ловелас, с которым можно безопасно флиртовать развлечения ради. Стыдно было теперь это вспоминать. Норман предупреждал меня, но я все равно не видела в профессоре боевой магии ничего угрожающего. И ничего подлого. Напротив, он казался довольно прямолинейным и весьма милым. Если бы в момент нашего разговора на лестнице кто-то сказал мне, что через несколько часов он выставит меня дешевой шлюхой, я бы покрутила пальцем у виска.

Ректор оказался прав: я действительно ничего не успела понять, испугаться тоже не успела. Просто в одно мгновение голос Нота для меня стих. Потому перстень и не предупредил Нормана. Нот все предусмотрел.

Я обхватила себя руками за плечи, ежась от холода. Скорее всего, приключение в подземельях тоже организовал он. Не знаю, имел ли он отношение к появлению там низших, но Кордой легко мог манипулировать. Ведь она была давно

влюблена в него. И записку эту он мог ей продиктовать. Почему раньше я ни разу не задумалась о том, откуда Корда знает про кофе? Дура, полная дура.

Я так злилась на себя, что даже не чувствовала, как меня бьет крупная дрожь. Зато ощутила иллюзию теплого пледа, легшего на плечи. Губы моментально расплылись в счастливой улыбке.

– Ян...

– Почему-то так и думал, что вы не спите.

Я обернулась: Норман шел ко мне по проходу между пустыми койками, как обычно сцепив руки за спиной, расправив плечи, едва заметно улыбаясь. На нем была привычная форма, но после того, как я видела его последний раз, он успел побриться.

– И поэтому решили меня навестить?

– Я же обещал, что приду пожалеть вас и подержать за руку.

– Но почему ночью?

– Потому что весь день тут были ваши родители. – Он подошел ко мне и остановился на приличном для наших статусов расстоянии. Мне хотелось, чтобы подошел ближе. – А у меня, знаете, как-то сразу не очень заладилось с вашим отцом.

– Да, я заметила. Очень жаль.

Он пожал плечами, как бы говоря: «Что тут теперь сделаешь?»

– Как вы себя чувствуете?

– На удивление хорошо для человека, пролежавшего почти сутки в снегу. До сих пор не понимаю, почему вы нашли меня живой, а не в виде окоченевшего трупа.

– Магия, Таня. Привыкайте к тому, что вы маг. Мы можем направлять свой поток на разные вещи. Как я сейчас согреваю вас, так и вы можете согревать себя.

– Но меня этому не учили, – возразила я. Меня тревожил этот факт. – Как не учили создавать проекции. Так как я могла все это сделать?

Несколько бесконечных секунд он просто молча смотрел на меня, словно снова искал что-то в моих глазах, а потом покачал головой.

– Я не знаю. В экстренных ситуациях люди способны на многое. В конце концов, поток – единственное, что вам нужно для чуда. Все, чему учат в наших школах и университетах, – это правильно его направлять и фокусировать. Амулеты, артефакты, слова заклятий, ритуалы – просто мишура, помогающая это делать. Но если есть сильное желание, очень сильное, вы можете сделать то, чему вас не учили. А у вас, Таня, очень сильная воля к жизни.

– Угу, еще бы мозги к этой воле – цены бы мне не было, – проворчала я. – Знаете, после того случая... Ну, когда Марек напал на меня. Я решила, что в следующий раз должна быть готова. Быть сильнее. Знать полезные заклятия. Я много тренировалась и занималась последние два месяца. –

Глаза защипали слезы, и я шмыгнула носом. – И все равно оказалась не готова. Не готова к тому, что меня попытаются взять не силой, а хитростью.

– Это придет со временем, – заверил Норман со вздохом. – К сожалению, тогда же уйдут наивность и легкое отношение к жизни. Вы станете осмотнительнее, но разучитесь доверять людям.

– Знаете по личному опыту?

Он кивнул, улыбка на несколько секунд пропала с его лица, уступив место задумчивому выражению: профессору определенно вспомнилось что-то неприятное. Однако это быстро прошло.

– Если вы все еще хотите поплакать у меня на плече, я к вашим услугам.

Я рассмеялась. Шутником Нормана назвать было сложно, но ему всегда удавалось вызвать у меня улыбку. Даже слезы отступили.

– Вы знаете, как ни странно, плакать как раз не хочется, – призналась я и, набрав в легкие побольше воздуха, выпалила, как в омут с головой кинулась: – Но я была бы признательна вам, если бы вы просто меня обняли.

Я испугалась собственных слов еще тогда, когда их произносила, поэтому в конце они прозвучали едва слышно. Но даже почувствовав, что краснею, я так и не смогла отвести взгляд от его глаз.

– Если вы изволите...

Я даже не успела осознать его ответ, а он уже сделал шаг ко мне. Еще через мгновение я оказался в кольце теплых сильных рук, крепко прижатая к его груди. Положив голову Норману на плечо и уткнувшись лицом в изгиб шеи, я наконец ощутила себя в безопасности. Теперь все было по-настоящему хорошо и правильно. Он едва ощутимо гладил меня по голове, перебирая спутавшиеся волосы, а я замерла, боясь спугнуть это прекрасное мгновение.

– Вы заставили меня поволноваться, Таня, – тихо признался он.

– Простите, – так же тихо ответила я. – Но вы верили, что меня можно спасти. Спасибо вам за это. Без вас я бы сдалась.

– Я не верил, – огорошил он меня еще одним признанием. – Я просто не видел смысла раньше времени верить в обратное. Такие вещи лучше знать наверняка, а до тех пор отрицать.

– Хорошая позиция, – признала я. – Мне бы такую рассудительность.

На этот раз рассмеялся он.

– Успеете набраться. Я все-таки вас немного старше.

– Немного, да, – хмыкнула я, уже удивляясь тому, что он так и держит меня в своих объятиях и как будто не собирается отпускать.

– Лет на пятнадцать? – неожиданно продолжил он свою мысль. – Или на двадцать?

– Я не знаю. Не знаю, сколько вам лет. Я думала, уже слег-

ка за пять сотен...

– Не говорите глупостей, – оскорбленно фыркнул он. – Маги столько не живут. Дайте подумать, я уже и сам сбился... Мне было почти тридцать, когда я... покинул свое время. С тех пор прошло... почти одиннадцать. Значит, мне сорок один. Или скоро будет.

– Если верить вашей теории, то мне скоро исполнится двадцать три. Правда, теперь я точно не знаю, когда.

– Восемнадцать лет, – вздохнул он. – Разве это не слишком много?

Мое сердце замерло от такого вопроса и тона, которым он был задан. Я искала им какое-то другое объяснение, не то, которое пришло в голову в первую секунду, но не находила. И все же боялась ошибиться. Это будет очень стыдно.

– Смотря для чего...

Норман молчал. Одна рука продолжала обнимать меня за плечи, другая – перебирать мои волосы. Он наклонил голову, и лицо его оказалось рядом с моим, я почувствовала его дыхание на своей щеке. Оно было тяжелым, неровным. Норман старался его контролировать, но получалось плохо.

Отчаянно боясь все испортить, я все-таки немного отстранилась. Ровно настолько, чтобы заглянуть в его глаза. Это движение словно пробудило его: он наклонился к моим губам и поцеловал. Или это я дотянулась до его губ первой? В голове все спуталось, и я уже ни в чем не могла быть уверена. Кроме того, что он снова целовал меня. На этот раз все

было иначе: в этом поцелуе не чувствовалось страстного отчаяния обреченных на смерть. Зато оказалось столько нежности, сколько я не могла даже предположить в Яне Нормане. Он выпустил меня из объятий, но только для того, чтобы взять мое лицо в ладони, погладить подушечками больших пальцев вмиг вспыхнувшую кожу щек.

Поцелуй был медленным, тягучим, как густой горячий шоколад. И таким же сладким. Но, несмотря на эту неспешность, я задыхалась, как от быстрого бега. Сердце билось так быстро, что, казалось, в любую секунду могло не выдержать. И в данный момент мне было совершенно наплевать на то, много восемнадцать лет или мало. Меня целовал король, черт побери. Пусть бывший, оболганный историей и лишившийся всего. Он оставался сильным, смелым, благородным рыцарем, лучшим из всех, кого я встречала.

Внезапный шорох и приглушенный грохот заставили нас вздрогнуть и отпрыгнуть друг от друга. Я думала, нас застучали. Ожидала увидеть отца или ректора, но лазарет оставался пуст. Какая-то тень прошмыгнула по полу. Я присмотрелась и поняла, что это один из тех мохнатых колобков, что в этом мире заменяли кошек: такие же пушистые и своенравные, но на коротких лапках и с коротким туловищем, они сновали по Орте, всегда гуляя сами по себе. Никому не принадлежали, но иногда давали себя погладить. Местные называли их вупи. Этот, кажется, был совсем маленьким. Не знаю, что зверек сшиб по пути, но его это не сильно рас-

строило. Он продолжал свой путь, лишь ненадолго замешкавшись рядом с нашими ногами. Я его не привлекла, а вот на ботинок Нормана он попытался порычать. Однако стоило тому приподнять ногу, как вупи словно ветром сдуло.

Мы с Норманом посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. У него был такой красивый смех, что я могла бы слушать часами, но он очень быстро затих. Лицо Нормана снова стало серьезным. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я успела прижать пальцы к его губам.

– Пожалуйста, не надо. Не извиняйтесь, не говорите, что это было неуместно, вам не следовало и все такое прочее.

Он так выразительно посмотрел на меня, что я испуганно отдернула руку.

– Вообще-то я собирался сказать, что хотел сделать это с тех пор, как поцеловал тебя в первый раз. И что в этот раз не собираюсь извиняться.

Я облегченно выдохнула, физически ощущая тепло, разливающееся в груди после этих слов.

– О, ладно, тогда говорите, – снова улыбаясь, предложила я.

– Я только что сказал.

– А, ну да, – разочарованно протянула я, но тут же нашла: – Можете сказать еще раз? Я не успела насладиться.

Кажется, в голове у меня что-то замкнуло от счастья, раз я начала говорить глупости. Норман это понял, снова рассмеялся и, вместо того чтобы повторить слова, притянул меня

к себе и поцеловал еще раз. Я не возражала против такого варианта.

Но и теперь поцелуй длился недостаточно долго. Норман отстранился, но уже не выпустил меня из объятий.

– Убедительно, – выдохнула я. – Но если вы этого хотели... Почему только сейчас? К чему были все эти разговоры о неуместном и неподобающем? Вы же видели, что я хотела не меньше. Не могли не видеть...

– Просто это действительно неуместно, – спокойно перебил он, поглаживая кончиками пальцев кожу на моей щеке и осторожно заправляя непослушный локон за ухо. – Я нарушаю не только правила Орты, но и законы нашего мира.

– Что за бред? – Я нахмурилась. – Я уже взрослая, могу целоваться, с кем пожелаю.

– Не в нашем мире. Ты же помнишь, что по нашим законам ты пока несовершеннолетняя?

Я смутно припоминала, как он рассказывал про это. Но тогда речь шла о допросе в Легионе, и мое положение как бы несовершеннолетней меня вполне устраивало. Теперь же оно мешало. Мои пальцы, перебиравшие короткие волосы на затылке Нормана, напряженно замерли. Я снова заглянула в его глаза, но не увидела там ни сомнений, ни желания отступить назад, снова сделать вид, что ничего не произошло.

– Но если я все еще несовершеннолетняя, если закон все еще против... Что изменилось?

Может быть, темнота лазарета и неверный свет луны сыг-

рали со мной злую шутку, но на мгновение показалось, что в его глазах промелькнула боль, которую он моментально постарался скрыть. И все же голос прозвучал хрипло, когда Норман ответил:

– Ты появилась посреди моей гостиной со словами: «Кажется, я умерла». – Тяжело сглотнул и добавил уже почти шепотом: – Если бы ты только знала... если бы только могла представить себе, что со мной было в тот момент.

Мне стало так стыдно, как, наверное, не было еще ни разу в жизни. И одновременно так хорошо, что это только усиливало стыд, но я ничего не могла с собой поделать. Ведь его слова значили, что я ему по-настоящему дорога. Что еще они могли значить?

Я погладила Нормана по щеке, порывисто прижалась к губам на несколько мгновений, потом снова крепко обняла.

– Простите меня, я не хотела вас так пугать. Я просто... я сама была напугана...

– Я знаю, знаю, – заверил он, уже взяв себя в руки и подавив излишнюю эмоциональность. Даже улыбнулся, глядя на меня. – Наверное, это к лучшему. В тот момент я поклялся себе, что если ты все-таки окажешься жива, никакой закон не помешает мне... сделать то, что я сделал. Я слишком многое в жизни упустил, дожидаясь подходящего момента. Я не готов снова так рисковать.

– Надо будет сказать спасибо Ноту. – Я нервно рассмеялась.

Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я уже начала подозревать, что сплю, накачанная какими-нибудь магическими наркотиками, и вижу чертовски реальный сон. Но если так... я не хотела просыпаться.

Я снова коснулась кончиками пальцев его лица, словно желая убедить себя в том, что он настоящий, а не плод моего воображения. Тонкие губы, гладко выбритая кожа щек и подбородка, в уголках глаз уже заметна сеточка морщин. Восемнадцать лет... Когда я только родилась, он уже правил страной.

Впрочем, нет, страной он правил пять веков назад. Он сказал, что появился в этом времени почти одиннадцать лет назад. А что же происходило с ним тогда, когда я родилась?

– Может быть, вы все-таки расскажете мне, как все было? Ну, то есть... Как мы с вами оказались в одном времени.

Норман недовольно скривился. И чуть ослабил объятия. Видимо, я сказала что-то не то, но отступать было поздно.

– Это длинная, скучная и грустная история, – попытался уклониться он. – Зачем тебе она?

– А такой закон есть в моем мире, – попыталась пошутить я. – Хочешь целовать девчонку, сначала расскажи ей, как путешествовал во времени.

Моя уловка удалась: Норман снова рассмеялся, лицо разгладилось, появившееся напряжения ушло. Он еще на мгновение прижал меня к себе и быстро поцеловал, а потом неожиданно подхватил на руки и куда-то понес.

– Что вы делаете? – удивилась я, даже не обращая внимания на то, что так и говорю ему «вы».

– К сожалению, не совсем то, что хотел бы, – хмыкнул он, а потом осторожно опустил меня на кровать, на которой я лежала до его прихода. – Если я собираюсь рассказывать тебе свою историю, тебе лучше лечь в постель и не мерзнуть.

Норман заботливо укрыл меня одеялом и сел рядом. Я поудобнее устроила голову на подушке, неотрывно глядя на него. Он молчал, снова хмурясь.

– Трудно понять, с чего стоит начать такой рассказ, – признался наконец.

– Тогда просто начните с начала, – предложила я.

Глава 6

– Нас было трое наследников примерно одного возраста: я, Рона и Гордон. Мы знали друг друга с детства, потому что наши государства были самыми крупными в магическом мире и находились рядом. Из нас троих меньше всего шансов на престол имел я, поскольку передо мной в очереди шел старший брат, которому уже подобрали невесту. Да и наш отец был еще довольно молод и крепок. Однако по странной прихоти судьбы именно я первым стал королем. Моя...

Норман тяжело сглотнул.

– Всю мою семью убили, когда мне было тринадцать лет. Я выжил случайно. Это был заговор среди приближенных отца, которые решили свергнуть наш род. Но когда выяснилось, что я остался жив, им пришлось посадить меня на престол. Никто бы не поверил во второй подряд несчастный случай, могли начаться волнения. Тот, кто возглавлял заговор, стал при мне регентом. Двоюродный брат моей матери – самый близкий из оставшихся родственников. Я понимал, что жить мне позволят максимум до совершеннолетия. Поэтому в пятнадцать добился самостоятельного правления, а заговорщиков вместе с дядей... впрочем, про это вам расскажут на истории. Когда мне исполнилось двадцать, свой престол заняла Рона. Ее отец был немолод, она родилась в его втором браке, а других детей он не нажил. Ей самой тогда было де-

вятнадцать. Еще через год внезапно заболел и сошел в могилу и отец Гордона. Тогда я не придавал этой смерти значения, хотя стоило. Но вот мы втроем стали самыми влиятельными людьми в магическом мире. Другие государства так или иначе зависели от кого-то из нас.

Он замолчал, о чем-то задумавшись, а потом признался:
– Я никогда не хотел быть королем. Меня устраивало, что это бремя будет нести брат. Но и оставить власть тем, кто уничтожил мою семью, я не мог. Я понимал, из-за чего возник заговор. Мой отец был жестоким и своенравным. Его жестокость распространялась не только на подданных, но и на меня, и на мою мать. На брата нет, тот был таким же, как и он. Ни одного из них я не называл бы достойным правителем, но они были моей семьей. Мне сложно оценить объективно, каким королем был я сам. Норд Сорроу остался в истории как довольно жестокий правитель, достойный своего отца. Уверен, мой отец очень удивился бы, услышав это. Он никогда не считал меня достойным.

Он сказал это довольно спокойно, как будто просто упоминал ничего не значащий факт, но мне почему-то показалось, что детская обида все еще живет где-то внутри него. Может быть, очень глубоко, настолько, что он сам ее не осознает, но живет. Возможно, я придумывала на пустом месте, но отчаянно захотелось взять Нормана за руку, как-то выразить свою поддержку. Однако он сидел так, что мне было не дотянуться до его руки.

Норман тем временем продолжал:

– За те шесть лет, что я правил самостоятельно, бремя власти начало меня тяготить. Я делал, что мог, отдавал себя Рейвену без остатка, но знал, что не смогу так всю жизнь. Однако Рейвен я любил и чувствовал ответственность за его судьбу. Я не мог просто отречься от престола и бросить страну на произвол судьбы. Но зато мог отдать власть – правда, только кому-то достойному. А помня о печальной судьбе своей семьи, я мечтал о менее кровавом способе менять правителей...

– Республика была вашей идеей? – неожиданно догадалась я. – Не Роны Риддик.

– Да, – он кивнул. – Между мной и Роной с самого детства существовала определенная симпатия, но только в пятнадцать я взглянул на нее иначе. Не как на друга, а как на женщину. И почему-то с тех пор мне казалось, что со временем она предпочтет мне Гордона. Он был красивым, веселым, беззаботным, в то время как я становился все более угрюмым. Мне приходилось принимать тяжелые решения, к тому же я учился контролировать демона, с которым был связан. Все это сказывалось на моем поведении и характере. Я видел, что Гордон тоже в нее влюблен. Когда он занял свой престол, я решил, что их свадьба – вопрос времени. Это неизбежно привело бы к объединению их государств. Собственно, три наших королевства выросли в основном на подобных браках и лишь иногда – на войнах. Тогда я поделил-

ся с ними идеей объединения в федеративную республику. Фактически я предлагал присоединить к их будущему общему государству и мое, оставив себе только часть полномочий. Рона сразу горячо меня поддержала, а Гордон... полагаю, он просто не хотел ее разочаровывать, а потому тоже согласился. Вот только все пошло не так, как я рассчитывал. Согласившиеся присоединиться к нам менее крупные государства в основном входили в сферу экономических интересов Рейвена. Благодаря им я и стал первым канцлером. Это обязало меня править еще пять лет государством, увеличившимся почти в четыре раза.

– И как к этому отнесся Гордон Геллерт? – поинтересовалась я. У меня уже голова шла кругом от того, как все переиначили в официальной истории. Это о многом заставляло задуматься.

– Тогда спокойно. Я поручил им с Роной проект Орты, что его вполне устраивало. Он полагал, что станет следующим канцлером, а пока наслаждался свежим воздухом и флиртом с Роной. О нашем начавшемся примерно тогда же романе он не знал.

– Почему вы его скрывали?

– Именно для того, чтобы он не ревновал. Я ставил благополучие Первой Республики выше личного счастья. Недостаточно высоко, чтобы отказаться от Роны и толкнуть ее в объятия Гордона, конечно. Но он имел достаточно влияния, чтобы на почве ревности развалить то, что я пытался

создать. Роне не нравилась тайная внебрачная связь, такое в то время крайне порицалось в нашем обществе, но она согласилась на нее. Мы встречались редко. Здесь, в Орте. Я приезжал раз в несколько месяцев на два-три дня. Якобы посмотреть, как идет дело. Днем мы изображали вежливое равнодушие, а по ночам встречались в хорошо известной тебе тайной комнате.

Я немного смутилась, вспомнив записи в дневнике Роны, где она описывала эти встречи. А потом смутилась еще больше, когда поняла, что он наверняка знает о том, что я их читала. Однако сам Норман выглядел спокойным: то ли его это не смущало, то ли он уже давно смирился с этой мыслью.

– И так пять лет? – недоверчиво уточнила я. Мне бы такое не пришлось по душе. На месте Роны, я бы, наверное, закатывала ему истерики каждый раз. Или вообще послала бы куда подальше.

Он снова встретился со мной взглядом, и я поняла, что никуда бы его не послала. Если бы была Роной, конечно. Меня саму после нескольких месяцев знакомства тянуло к нему, как магнитом. Рона же знала его целую жизнь. И ей он наверняка успел дать куда больше поводов восхищаться собой. В конце концов, мы с ним пока что только целовались...

От этой мысли у меня моментально загорелись щеки, и я отвела взгляд.

– Поверь мне, я считал дни до конца срока своего правления. Я надеялся, что Гордон действительно станет новым

канцлером, и это как-то смягчит для него удар, когда я объявлю Рону своей невестой. Но все опять пошло не так. Он узнал о нашем романе до того, как прошли пере выборы. И взбесился, конечно. Вся затея с республикой вдруг перестала ему нравиться. Он заявил, что выборов быть не должно. Требовал, чтобы я просто передал ему власть. Полагаю, после этого он попытался бы стать пожизненным канцлером. Произошло то, чего я так боялся: начались смута и разлад. Республика и так была нестабильна, а Гордон начал расшатывать ее еще больше.

– Забавно, что в учебниках все написано с точностью до наоборот, – нахмурилась я. – Почему так?

– Историю пишут победители, – по губам Нормана скользнула печальная улыбка. – А Гордон, как мне ни горько это признавать, меня обыграл. По всем пунктам. Он спровоцировал меня на дуэль... То есть я позволил себя спровоцировать. Меня подвела самоуверенность. Ведь светлый маг – а Гордон всегда был светлым – не может победить темного. Мы по определению сильнее, потому что демоны сильнее людей. Но Гордон оказался хитер. Понимая, что не может меня убить, он решил избавиться от конкурента другим способом. Расставил ловушку и сбросил меня во временной поток.

– Во временной поток?

– Сложно объяснить... – Норман виновато пожал плечами. – Сначала маги научились пронзать пространство, чтобы

экономить время на перемещении. Так у нас появились порталы. Потом мы захотели большего: пронзать еще и время. И даже нашли способ, его называли погружением во временной поток. Однако оказалось, что с его помощью можно путешествовать во времени только вперед. Движение назад невозможно, прошлое... выбито в камне, оно неизменно. Поэтому временной поток как открыли, так и забыли. А Гордон вспомнил, открыл временной портал и сбросил меня в него. Выбраться я смог только в этом времени. Все, что я знал о мире, в одно мгновение устарело. Все, кого я знал, перестали существовать. Я даже не успел попрощаться с Роной. Она не знала о нашей дуэли и так никогда и не узнала, куда я делся. А я в одно мгновение из главы государства превратился в пустое место. Та, кого я любил больше всего на свете, – в давно истлевшие останки. Вот так это и произошло.

Он замолчал, и я тоже не знала, что сказать. Норман был прав как минимум в одном: история показалась мне очень грустной. Мне было отчаянно жаль его. По рассказу выходило, что у него не было ни одного по-настоящему светлого периода в жизни. Детство отравил отец, в юности пришлось быстро взрослеть и бороться за свою жизнь. Даже роман с любимой женщиной складывался не так, как им обоим хотелось. А потом его и вовсе лишили всего и оболгали, перевернув события тех лет с ног на голову. Ректор говорил мне, что в тот момент он был сломлен. Я не могла себе представить, как это выглядело, да и не хотела представлять, но те-

перь верила.

Сев на кровати, я придвинулась ближе, провела рукой по его лицу и осторожно поцеловала в лоб, пытаясь разгладить залегшую между бровей складку.

– Мне очень жаль, – прошептала я. – То есть... Мне жаль, что вы прошли через все это, но... – Я не знала, как сформулировать. – Но я сейчас эгоистично счастлива оттого, что вы здесь.

– Все это было уже давно, – отмахнулся он. Складка между бровей разгладилась, и улыбка перестала быть печальной. – Прошло почти одиннадцать лет. Я смирился со своей судьбой, научился жить в новом для меня мире. И жизнь эта мне даже нравится. Ректор Ред, каким бы странным он ни был, очень мне помог. Дал мне новое место и новый смысл жизни. Орта, – он поднял глаза к потолку, а потом обвел взглядом помещение лазарета, – стала мне домом. Когда-то это был наш с Роной проект: моя задумка, ее воплощение. Совместное детище. Единственное хорошо знакомое мне место, что осталось с тех времен. И единственное, что мне осталось от Роны.

Что-то больно кольнуло в груди, настала моя очередь хмуриться. Во рту появился горький привкус, и к горлу подкатил ком. Черт побери, с кем я собралась тягаться? С королевой, героиней, великой женщиной и магом, святой и непогрешимой великолепной Роной Риддик? Той, которую он знал с детства, рядом с которой вырос, которую любил большую

часть жизни? Смешно. Что я, Таня Ларина, могла ему предложить? Странно, что он вообще обратил внимание на мое существование. И то, видимо, только потому, что я за полгода обучения в Орте уже три раза чуть не погибла.

— Вы ее очень сильно любили, да? — Я с неожиданным интересом смотрела на собственные колени и нервно мяла руками край одеяла.

— Очень, — не стал спорить он, но после небольшой паузы добавил: — Но она умерла. Очень давно. Я смирился с этим. Тоже уже давно.

Он коснулся пальцами моего подбородка и приподнял лицо, так чтобы я посмотрела на него. Я упрямо смотрела вниз, не желая встречаться с ним взглядом. Не хватает только, чтобы он понял сейчас, как я завидую Роне Риддик, будь она трижды проклята. Норман ничего не стал говорить, просто еще раз наклонился к моим губам, едва касаясь их в легком поцелуе. Словно предлагая мне самой решить, чего я сейчас хочу больше: дуться и ревновать к женщине, чей прах давно истлел, или целоваться с ним. Надо ли упоминать, что именно я выбрала? Может быть, я уступала Роне Риддик во всем и никогда не смогу значить для него столько же, сколько значила она, но у меня перед ней имелось одно большое и важное преимущество: я пока была жива.

Его поцелуи распаляли меня все больше, я уже забыла о том, что мы вообще-то находимся в общедоступном месте и всю тут нарушаем закон. Мне отчаянно хотелось нарушить

его уже целиком и полностью, но Норман, как и следовало ожидать, настолько сильно голову не терял.

– Тебе нужен отдых. Ложись-ка ты спать. Завтра будет непростой день: Ротт жаждет допросить тебя. Он внял твоим словам насчет Нота и приставил к нему охрану, но пока не арестовал. Нот будет отпираться. Тебе потребуются силы. Нам всем они потребуются.

Я тяжело вздохнула, признавая его правоту. Не хотелось, чтобы он уходил. Вдруг завтра при свете дня все это окажется сном или моей больной фантазией? Я еще раз жадно прижалась к его губам, хотя понимала, что нацеловаться впрок все равно не получится, и покорно легла обратно. Он снова заботливо укрыл меня одеялом. Как ребенка, честное слово! Однако уходить как будто не собирался.

– Вы останетесь здесь? – недоверчиво поинтересовалась я.

– А ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет! Конечно, нет. Мне здесь одной страшно до ужаса...

– Вот я и побуду здесь, чтобы ты не боялась. Не для того я тебя спасал, чтобы снова подвергать твою жизнь опасности.

Я улыбнулась и закрыла глаза. Не знаю, сидел ли он со мной всю ночь или ушел, как только я провалилась в сон, но уснула я быстро и проспала до самого утра безмятежно.

Утром в лазарете я снова оказалась одна, гадая, действительно ли он приходил или все это было только сном.

Глава 7

Когда родители объявили мне, что Геллерт Ротт желает устроить общее разбирательство с участием Нота, Нормана, ректора и меня с моим официальным представителем, я твердо потребовала, чтобы мне дали сначала привести себя в порядок. Не хотелось опять показываться перед Норманом не пойми в чем и с бардаком на голове, хотя эту причину я вслух озвучивать не стала. Папа и так недовольно поинтересовался, почему на мне до сих пор его перстень. Я объяснила как есть: пыталась отдать, но Норман не взял. Папа недовольно поджал губы, но ничего не ответил.

Поскольку к моему состоянию претензий ни у кого не было, мне разрешили вернуться в комнату общежития и привести себя в божеский вид. Я быстро приняла душ и почти так же быстро уложила волосы заклиниванием, которое осваивала с самого бала Развоплощенных. Немного застопорилась, выбирая одежду. Хотелось выглядеть хорошо, но в то же время я понимала, что иду не на свидание, а на разбирательство, касающееся попытки меня убить, между прочим. В итоге решила, что узкие джинсы и свободный длинный свитер с высоким воротом будут уместнее всего: в них я смотрелась хорошо, но при этом не выглядела нарядной. С макияжем тоже не стала усердствовать.

Когда мы с папой подходили к кабинету, который рек-

тор выделил для разбирательства, сердце мое колотилось так быстро, что я за него испугалась. В последнее время оно испытывало все бóльшие перегрузки. Меня была заметная дрожь, но, к счастью, момент был достаточно нервным, чтобы это не выглядело подозрительным. Однако Нот и грядущее разбирательство меня уже мало волновали, я боялась первой встречи с Норманом. Как мне себя вести? Как поведет себя он? Понятно, что афишировать ничего нельзя, но он хотя бы даст мне какой-то знак? Крошечный намек на то, что я ничего не выдумала, а он с наступлением утра не пожалел о том, что сделал.

Норман и ректор подошли к кабинету через пару минут после того, как у его двери остановились мы. Ректор сразу поздоровался с папой, потом со мной. Я проворчала в ответ что-то невразумительное, с удивлением обнаружив, что злюсь на него. За те слова, что подслушала случайно. За то, что он пытался убедить папу в моей смерти. И за то, что он на какое-то время убедил в ней меня.

Только переварив эту бурю эмоций, я осмелилась посмотреть на Нормана. Он выглядел как обычно. Ни следа недосыпа на лице, гримаса недовольства, как будто ему не очень нравится то, где он находится и с кем. Они с папой холодно, но вежливо поздоровались, потом Норман поприветствовал меня. Я снова только кивнула, промывчав что-то невразумительное, и тут же отвела взгляд. Сердце билось так, что становилось больно.

– Дорогая, ты, кажется, накануне хотела что-то сказать профессору Норману, – неожиданно напомнил папа. Когда я удивленно посмотрела на него, он уточнил: – Хотела поблагодарить.

– А... да. – Я с трудом сглотнула и посмотрела на Нормана исподлобья. Со стороны, должно быть, казалось, что я его боюсь. – Спасибо, профессор Норман. Вы спасли меня. Опять.

– Да не за что, госпожа Ларина, – со вздохом ответил он. – Безопасность студентов Орты – мой долг.

По его губам скользнула улыбка, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и помощник Ротта пригласил нас внутрь. Первым вошел ректор, мой отец последовал за ним. Я замешкалась, но Норман деликатным жестом предложил мне войти перед ним. Я сделала шаг вперед и неожиданно почувствовала прикосновение руки к плечу. Это выглядело абсолютно невинно и уместно, как будто он просто подталкивал меня навстречу своему обидчику, но я поняла, что это и есть тот самый знак. За весь первый семестр я ни разу не видела, чтобы он касался кого-то из студенток. Он никогда не шел на физический контакт, а руки и вовсе предпочитал держать за спиной. Исключения составляли наш танец на балу и передвижения по подземельям, когда он держал меня за руку.

Я улыбнулась, чувствуя, как успокаивается сердце и выравнивается дыхание. Дрожь отпустила, и теперь я была го-

това к любому разбирательству. Потому что знала: Норман рядом.

Нот выглядел спокойным и уверенным. Настолько спокойным, что даже улыбнулся мне и доброжелательно кивнул, как ни в чем не бывало. Я проигнорировала его приветствие и села рядом с папой.

В кабинете квадратом поставили четыре стола. За одним сидели Ротт и его помощник, который собирался вести записи. За столом напротив них расположился Нот, за его спиной стоял охранник. Мы с отцом заняли стол по правую руку от старшего легионера столицы, а напротив нас сели ректор и Норман.

Первой версию событий предложили изложить мне. Я, конечно, с первых же предложений запуталась в показаниях, начав не с того места. Ротт как будто специально сбивал меня с мысли, задавая провокационные вопросы вроде: «Как часто вы по-дружески беседуете с профессором Нотом?» или «Вы раньше бывали в личных комнатах профессора Нормана?» У меня создалось впечатление, что он изо всех сил пытается выставить меня не в лучшем свете. Я видела, что папа хмурится и злится все сильнее, но не могла понять, вызваны ли эти эмоции поведением Ротта или он недоволен мной.

После того, как я с горем пополам рассказала свою историю, Ротт обратился к Норману:

– Господин Норман, как все это выглядело с вашей стороны? – его тон прозвучал неожиданно вежливо.

– Студентка Ларина появилась в моей гостиной вскоре после полудня. Предвосхищая ваш вопрос: нет, ранее она никогда не была в моих личных комнатах, не считая личного кабинета. Поэтому я был очень удивлен ее появлением, а когда она показала мне, что бесплотна, – шокирован. Вскоре после этого появилась профессор Карр, и от нее я узнал, что студентка Ларина пропала...

– С какой целью профессор Карр решила сообщить вам об этом? – невинно поинтересовался Ротт. – Ведь студентка Ларина – не ваша забота.

– Профессор Карр, как я понял, опрашивала всех преподавателей, пытаюсь понять, куда Ларина делась. Студенты к тому времени уже разбежались из Орты на каникулы.

Я в который раз восхитилась выдержкой Нормана: даже на секунду его лицо не выдало смущения вопросом, хотя профессор Карр пришла искать меня в его постели.

– Хорошо, продолжайте. Вы сказали профессору Карр, что видите студентку Ларину?

– Нет.

– Почему?

– Мне не хотелось тратить время на объяснения. Я попытался найти Ларину, используя наложенное на ее перстень заклятие...

– Перстень, который подарили ей вы? – снова перебил Ротт.

– Все верно. – Норман вновь не продемонстрировал ни

капли смущения.

– Вы многим студенткам делаете подобные подарки?

– Нет, до сих пор не возникало такой необходимости. – Норман бросил быстрый взгляд на моего отца. – Но я не понимаю, какое отношение это имеет к делу?

– Простое любопытство. – Ротт улыбнулся. – Продолжайте.

Норман быстро пересказал, что ему не удалось найти перстень, как мы вместе отправились к ректору, как потом я вспомнила, что столкнулась во время вечеринки с Нотом.

– И вы пошли его допрашивать? – уточнил Ротт, опираясь на мой рассказ.

– Я пошел его спросить, – поправил Норман. – Профессор Нот признал, что видел студентку Ларину вечером. Далее он заявил, что пригласил ее на кофе, а потом она... осталась у него и ушла только посреди ночи. Сама Ларина утверждала, что ничего этого не было. Пока она пыталась вспомнить, что произошло на самом деле, у нее на короткое время установилась связь с ее физическим телом. По совокупности ощущений, которые она мне описала, я догадался, где ее искать.

– В процессе разговора с господином Нотом всплывали какие-то факты, которые натолкнули бы вас на мысль, что это он опоил Ларину снотворным и бросил в лесу умирать?

– Вы имеете в виду, кроме его гнусного оговора госпожи Лариной? – едко уточнил Норман.

– Послушай, да я просто тебя дразнил, – внезапно вкли-

нился Нот, усмехаясь. – Господин Ротт, я каюсь, это было неуместно и недостойно с моей стороны, но я не понимал серьезности ситуации. Ни для кого не секрет, что мы с Яном не ладим. Я просто хотел его позлить.

– Вы считали, его разозлит тот факт, что госпожа Ларина... – Ротт замялся, подбирая слова. – Ночевала у вас?

– О, они его разозлили. – Нот снова усмехнулся. Господи, как я могла считать его приятным? – Он меня даже ударил.

– Это так? – поинтересовался Ротт у Нормана.

– Да, это так.

– Почему? – Ротт изобразил удивление. – У вас какие-то... особые чувства в отношении госпожи Лариной?

Нот презрительно фыркнул, папа непроизвольно сжал кулаки, я забыла, как дышать, а Норман только едва заметно приподнял бровь.

– Мои *чувства* Легион никак не касаются. Но в данном контексте поясню: любой уважающий себя мужчина разозлится, когда в его присутствии в столь оскорбительном ключе отзываются о женщине. Я не сдержался, я это признаю. Но поскольку все его слова оказались ложью, я считаю это подтверждением обвинений госпожи Лариной.

– Почему?

– Полагаю, профессор Нот считал, что госпожи Лариной или уже нет в живых, или скоро не будет, то есть она не сможет опровергнуть его клевету. Или предъявить претензии.

– Это смешно, – фыркнул Нот. – Зачем мне ее убивать?

Она мне нравится. Славная девушка, вам любой скажет, что у меня с ней никогда не было конфликтов.

Это было правдой. Настолько правдой, что я сама на мгновение засомневалась. Вдруг я зря его оговариваю? Вдруг в тот вечер произошло что-то еще? Может быть, мы расстались с Нотом, а напали на меня уже потом, но воспоминания об этом почему-то стерлись?

– Хорошо. Господин Нот, какова ваша версия?

– Я действительно встретил Таню на лестнице в общежитии. Она была такой грустной, как будто у нее умер вупи... ну или как это у них называется? Котенок, вот! Я пытался ее развеселить, действительно приглашал на кофе. Мы немного пофлиртовали, а потом я ушел. На следующий день ко мне пристала Ирида... профессор Карр. Спрашивала, не видел ли я Таню... – Он осекся. – Я сказал, что не видел. Просто побоялся, что наше... общение будет выглядеть двусмысленно. К тому же это едва ли могло помочь в поисках, ведь она после этого нашей встречи вернулась на вечеринку.

– Вы видели, как она туда вернулась? – строго уточнил Ротт.

– Эм... Нет, но я полагаю, что она туда вернулась.

– И вы не допускали мысли, что информация о том, где вы на самом деле видели ее в последний раз, может помочь в поисках?

– Я же говорю, я тогда не понимал серьезности ситуации. Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на Нормана.

Тот тоже смотрел на Нота, и в глазах его была заметна угроза.

Ротт о чем-то думал, глядя на всех нас по очереди. В конце концов обратился ко мне:

– Госпожа Ларина, вы ничего не хотите изменить в своих показаниях? Может быть, что-то добавить?

Я неуверенно пожала плечами, не зная, что могу еще сказать.

– Моей дочери нечего добавить, – озвучил за меня папа.

Рот еще с минуту молчал, а потом вдруг резко встал и заявил:

– Что ж, я услышал достаточно. Вильям Нот, вы арестованы до дальнейшего выяснения обстоятельств и будете доставлены в Легион.

Судя по выражению лица Нота, он никак не ожидал такого поворота событий. Честно говоря, я и сама не ожидала. Я снова посмотрела на Нормана и поняла: для него это тоже сюрприз.

Охранник заставил Нота встать и повел к выходу. Нам Ротт тоже разрешил идти, поэтому мы с папой поднялись со своих мест. Он придерживал меня за плечи, дожидаясь, пока Нота выведут.

– Что вы делаете? У вас нет никаких доказательств. Она же сама ничего толком не помнит! – возмущался тот. – Ротт, это беспредел!

– Легион разберется, – холодно пообещал ему старший легионер столицы, тоже поднимаясь со своего места.

Дальше все произошло стремительно. Нот оттолкнул охранника и выбросил в мою сторону руку. Я не поняла, какое заклятие сорвалось с его ладони, но Норман и папа среагировали одновременно. Пока я в ужасе таращила глаза, папа заслонил меня собой и закрыл нас обоих щитом, Норман в ту же секунду бросил ударный импульс. Нот повалился на пол, а Ротт бросился на него сверху и придавил к земле.

– Джед, браслеты! – крикнул он.

Его помощник извлек из воздуха два широких серых металлических браслета и по очереди застегнул их на запястьях Нота. После чего они со старшим легионером подняли Нота с пола.

У меня душа ушла в пятки, когда я снова увидела лицо теперь уже бывшего преподавателя: оно было искажено злобой, глаза горели безумием.

– Мы все равно достанем тебя! – крикнул он мне. – Все равно достанем! Истинный король вернется – и Объединенное королевство ждет возрождение! Ты не помешаешь этому! Никто из вас этому не помешает!

– Уведите его! – рявкнул Ротт помощнику и растерянному охраннику.

Те с трудом вытащили озверевшего Нота из кабинета, а Ротт, ректор и Норман почти одновременно подошли ко мне, тревожно осматривая.

– С вами все в порядке? – озвучил общий вопрос Ротт.

Норман только стискивал челюсти и кулаки, как будто с

трудом сдерживал себя. Мне отчаянно захотелось снова оказаться в его объятиях, в которых я всегда чувствовала себя в безопасности, но такую роскошь я сейчас позволить себе не могла. Зато папа продолжал обнимать меня за плечи, а этого я хотела ничуть не меньше. Потому что я совершенно точно была не в порядке.

– Что я ему сделала? – Мой голос противно дрожал, когда я озвучила мучавший меня вопрос. – О чем он говорил? Какой еще король?

– Это девиз монархистов, – поморщившись, объяснил Ротт.

– Существует довольно старое предсказание, – более развернуто объяснил ректор. – Когда вернется истинный король, Республику ждет новый расцвет. Монархисты немного переиначили его. Надо же, я никогда бы не подумал, что Вилл один из них...

– Я-то здесь при чем? Чем я могу помешать? – Меня продолжало колотить крупной дрожью, перекошенное лицо Нота все еще стояло перед глазами. Откуда в нем взялось столько ненависти ко мне?

– Монархисты – сумасшедшие фанатики, – вставил Норман тихо. – В их действиях не стоит искать смысл. Они могут убедить себя и друг друга в чем угодно.

– Не бойтесь, госпожа Ларина. – Ротт ободряюще улыбнулся мне. – Теперь вы в безопасности. Нот сюда уже не вернется. И я сомневаюсь, что в Орте есть другие внедренные

монархисты.

Я кивнула, хотя его слова меня совершенно не успокоили. После этого Ротт откланялся, выразив надежду, что больше он Орте в ближайшее время не понадобится.

– Что ж, теперь вы, госпожа Ларина, наконец можете отправиться на каникулы, – сказал ректор. – Надеюсь, эти события не отвратят вас от продолжения обучения, и мы увидим вас во втором семестре.

– Об этом мы еще подумаем, – угрюмо заявил папа.

– Не слушайте его, – отмахнулась я, пытаясь взять себя в руки и перестать дрожать. – Конечно, я вернусь. Я ведь теперь... *в безопасности*.

– Рад слышать. – Ректор едва заметно нам поклонился и направился к двери.

Норман повторил эти движения, но едва он сделал несколько шагов, как папа его окликнул:

– Профессор Норман, постойте! У нас к вам еще одно крошечное дело.

Норман снова повернулся к нам, глядя на папу с вежливым любопытством. А тот чуть сжал мои плечи и мягко велел:

– Таня, верни перстень своему преподавателю.

Я на мгновение замерла, не зная, что делать. Растерянно посмотрела на перстень, потом на Нормана. Тот попытался прийти мне на помощь:

– Господин Ларин, ваша дочь уже пыталась его вернуть,

но это подарок. Перстень мне не нужен, а ей он очень подходит...

– Моя дочь не может принять от вас такой подарок, – невежливо перебил папа. Я видела, что он снова начинает злиться. Вообще-то он у меня замечательный: добрый, щедрый, понимающий. Если его не злить. Тогда он может встать в позу и, чего доброго, действительно не пустить меня в Орту во втором семестре.

Я коснулась его плеча, пока он не сказал что-нибудь еще, и, снимая перстень с пальца, подошла к Норману.

– Спасибо вам за все, профессор Норман, – поблагодарила я, стараясь взглядом сказать ему, что это временное решение. Просто чтобы не обострять. – Но мне действительно лучше его вернуть.

Я взяла его руку и вложила перстень в ладонь, на мгновение сжав ее. Я надеялась, что папа этого не увидит, а Норман все поймет правильно. Однако тот выглядел таким растерянным. Я не могла поручиться, что мое «послание» дошло до него.

– Увидимся с вами через месяц, – пообещала я, улыбнувшись.

Он посмотрел на перстень, потом сжал его в кулаке и по привычке спрятал обе руки за спиной. Довольно отстраненно произнес:

– Хороших вам каникул, госпожа Ларина.

Глава 8

Эти каникулы стали самыми унылыми за всю мою жизнь. Теперь папа знал все и про нападение во время бала, и про низших в подземельях Орты, а история с Нотом окончательно добила его. Поэтому мне в первый же день устроили разбирательство на тему: «Почему ты нам ничего не сказала?» Я огрызнулась в ответ и спросила, не хотят ли они мне что-нибудь объяснить. Например, почему вдруг монархисты решили меня убить. Разговор как-то сам собой тут же свернулся. Я не стала настаивать. Правду мне уже рассказал Норман, не верить ему я не видела причин.

В остальные дни папа хмурился, мама тайком плакала. Они то вместе, то порознь пытались убедить меня не возвращаться в Орту, но я, как заведенная, повторяла, что мне уже ничего не грозит. Как минимум в самой Орте. При этом большую часть времени я сидела дома, потому что ужасно боялась. Я в полной мере прочувствовала то, о чем в последний учебный день говорил мне Норман: о жизни под страхом смерти. Теперь у меня еще и перстня его не было, и в случае чего профессор не смог бы мне помочь. Поэтому я изучала магическую медицину, просматривала учебники на будущее, торчала в интернете и выбиралась на улицу только в компании родителей или в первой половине дня, до наступления темноты.

О Нормане я думала чуть чаще, чем постоянно. Вспоминала наш разговор в лазарете и его лицо в тот момент, когда отдала перстень. Я пыталась убедить себя, что он все понял правильно, но изнутри грызло смутное ощущение, что я совершила большую ошибку.

Конечно, я встретилась с Ингой и все ей рассказала, включая ночные события в лазарете. Только истинную личность Нормана так и не упомянула. Подруга и без этого пришла в дикий восторг и радостно воскликнула:

– Я же говорила! Не император, конечно, и не ректор, но тоже ничего.

Я криво усмехнулась. Да уж, не император, всего лишь бывший король. От этой мысли меня снова кинуло в жар. От осознания, насколько я ему не подхожу. Однако у Инги было другое мнение.

– Только вот, солнце мое, а не слишком ли он стар?

Я пожала плечами. Конечно, раньше я и сама смотрела на ровесниц, встречающихся с так называемыми «папиками», как на сумасшедших. Мне казалось, что никакой супермодный айфон и никакая суперкрутая машина не стоят того, чтобы спать с мужиком, который тебе в отцы годится. Но вспоминая поцелуй Нормана и реакцию собственного тела на него, я начинала подозревать, что не все могли соблазняться айфонами и машинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.